

№5 2013

ПОД ЗНАКОМ РЮРИКОВИЧЕЙ

UNDER THE RURIKS' SIGN

Ad gloriam С. В. Белецкий

Византийская пряжка из могильника Марвеле в Литве

Дар дружбы в скандинавских сагах

«Блуждающий каганат русов»: перспективы полемики

О битве Святослава в византийском эпосе

Владимир и Василий. Мифоотражение реалий

О многобусинных кольцах и европейской моде

Неизвестные псковские мастера

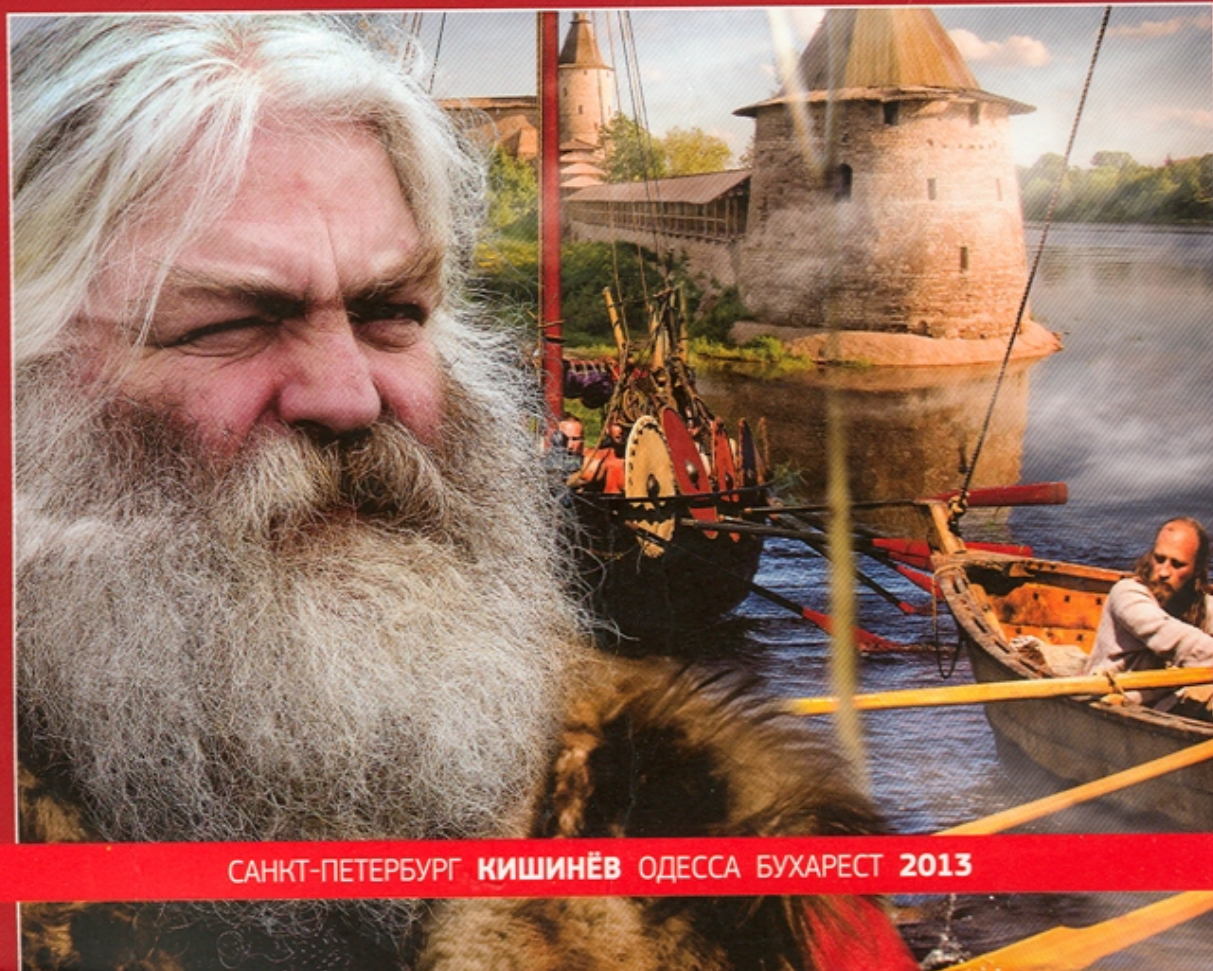
Печенег на Балканах: представления византийцев
и археологические реалии

Мартон Рошка и археология в Трансильвании

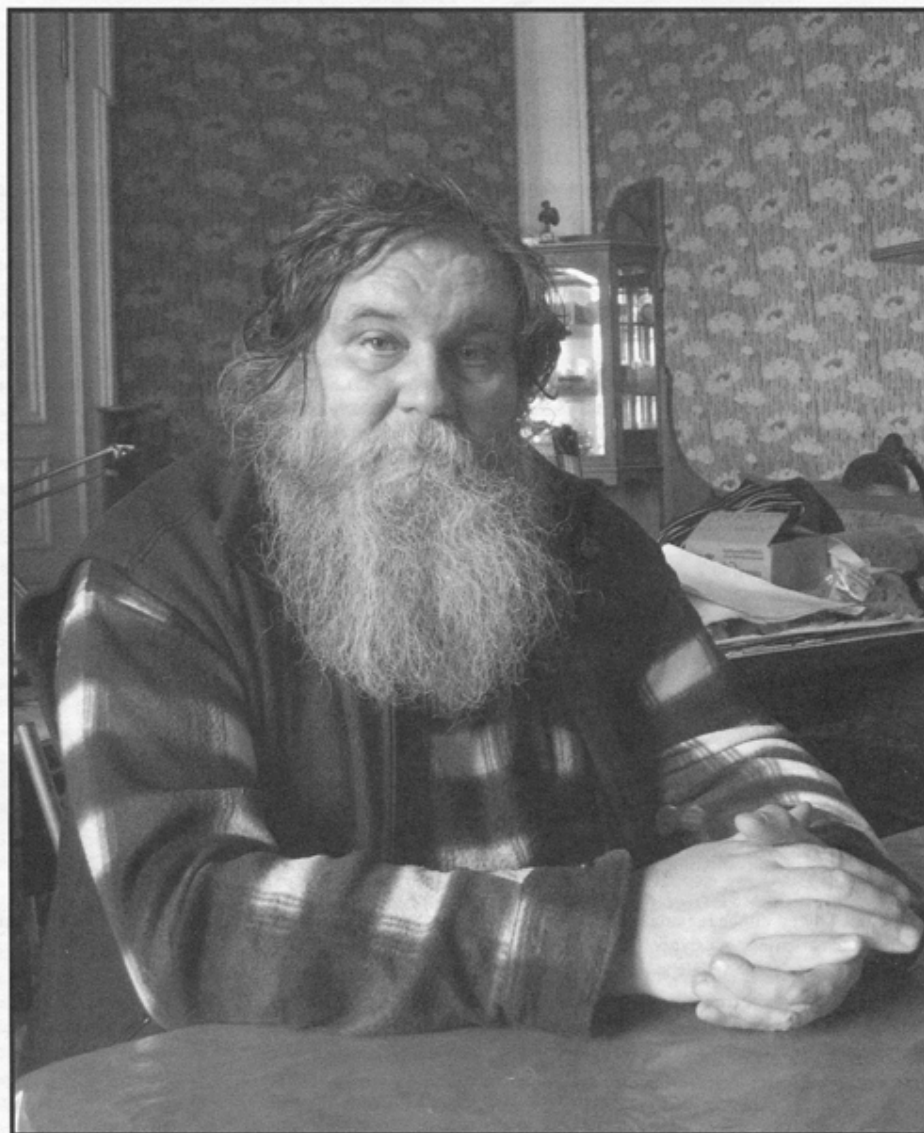
Коллекции церковного искусства в музеях Польши

Новые исследования древнего Полоцка

Заметки о крепости Тинт

60-летию
Сергея Васильевича Белецкого
посвящается

*Dedicated to 60th anniversary of **S.V. Beletsky***

*Se dedică aniversării de 60 de ani a lui **S.V. Beletsky***

СОДЕРЖАНИЕ

AD GLORIAM

А. Н. Кирпичников (Санкт-Петербург, Россия). Сергей Васильевич Белецкий. Жизнь и творчество	17
Д. А. Дворникова, М. Д. Ивина, В. М. Львова, М. М. Осипова, А. М. Соловьёва, О. Г. Шауро, С. Шейман (Санкт-Петербург, Россия). Наш Сергей Васильевич	25
Л. М. Всевиов (Санкт-Петербург, Россия). Список научных трудов С. В. Белецкого	29

ЗНАКИ ДАЛЕКИХ СТОЛЕТИЙ

О. В. Шаров (Санкт-Петербург, Россия). Боспорские этюды: к вопросу о появлении царских тамг	43
Я. В. Володарец-Урбанович (Киев, Украина). Клейма на гончарной посуде пастырского, канцерского и волынцевского типов	51

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Н. А. Плавинский (Минск, Беларусь). К вопросу о погребальной обрядности населения междуречья Западной Двины и Вилии в третьей четверти I тыс. н.э.	63
Е. Р. Михайлова (Санкт-Петербург, Россия). Раннесредневековое поселение на северном берегу озера Мерёво	73
Д. В. Дук (Новополоцк, Беларусь), А. Л. Коц (Полоцк, Беларусь). Новые археологические исследования на территории Заполотского посада древнего Полоцка (конец X — первая половина XII в.).	83
Н. Д. Руссев (Кишинев, Молдова). Заметки о крепости Тинт	91
П. Е. Сорокин, О. В. Андреева, А. В. Иванова, Н. И. Лазаретова (Санкт-Петербург, Россия). Археологические исследования Охтинского некрополя	103
С. Н. Травкин (Санкт-Петербург, Россия). Некоторые замечания о географии распространения мелких номиналов Шведского королевства на территории Восточной Европы в XVII в.	115
С. Е. Шуньгина (Санкт-Петербург, Россия). Отражение этапов развития Тихвинского Большого Успенского монастыря в материалах археологических исследований 2010 г.	121

В СВЕТЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

А. В. Александров, Р. А. Рабинович (Кишинев, Молдова). К вопросу о «неравноправности» восточнославянских племен в «Повести временных лет» (предварительные заметки).	133
С. А. Салмин (Псков, Россия). Владимир и Василий. Мифоотражение историко-социальных реалий.	143
С. А. Козлов (Тюмень, Россия). Рассказы Льва Диакона и Скилицы о битве Святослава под Доростолом (971 г.): фрагмент утраченного византийского эпоса?.	151

ОТ ВИЗАНТИИ ДО СТЕПИ

- М. М. Казанский (Париж, Франция). Ранневизантийская пряжка из могильника Марвеле в Средней Литве. 163
- Э. Галл (Бухарест, Румыния). Мартон Рошка и археология в Трансильвании: Критические заметки в связи с исследованиями раннесредневекового времени венгерско-армянского учёного 175
- С. В. Чера (Кишинев, Молдова). К вопросу о выделении финно-угорского компонента в коллекции наконечников стрел с городищ Алчедар и Екимауцы 197
- Ф. Курта (Гейнсвилл, Флорида, США). Образ и археология печенегов 203

АРХЕОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

- Л. С. Клейн (Санкт-Петербург, Россия). Откуда Перун у чеченцев — из Ирана или Руси? 237
- О. Л. Губарев (Санкт-Петербург, Россия). О клятвах русов и славян 239
- Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон (Москва, Россия). Дар дружбы 247
- М. П. Крук (Гданьск; Краков, Польша). Об истории формирования и изучения коллекции церковного искусства Национального музея Кракова и других музеев Польши 255

ДИСКУССИИ

- С. В. Томсинский (Санкт-Петербург, Россия). «Блуждающий каганат русов»: перспективы дальнейшей полемики. 275
- А. А. Романчук (Кишинев, Молдова). Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны 283

ТЕХНОЛОГИИ ПРОШЛОГО

- В. И. Кулаков (Москва, Россия). Языковидные фибулы: происхождение и стилистика. 303
- Ю. М. Лесман (†), С. С. Рябцева (Кишинев, Молдова). О многобусинных кольцах, европейской моде и этнографическом уборе. 309
- А. В. Курбатов (Санкт-Петербург, Россия). Неизвестные псковские мастера . 337

ЭКО-СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

- А. З. Винников (Воронеж, Россия), С. А. Горбаненко (Киев, Украина). Сельское хозяйство жителей Животинного городища. 347
- Список сокращений. 359
- Авторам «Stratum plus» 361

Э. Галл

Мартон Рошка и археология в Трансильвании: Критические заметки в связи с исследованиями раннесредневекового времени венгерско-армянского учёного

Keywords: Transylvania, Romania, Hungary, Middle Ages, Márton Roska, archaeological research, burial grounds, Gepids, Avars, Magyars.

Cuvinte cheie: Transilvania, România, Ungaria, Evul Mediu, Márton Roska, cercetări arheologice, cimitir, gepizii, avarii, maghiari.

Ключевые слова: Трансильвания, Румыния, Венгрия, средневековье, Мартон Рошка, археологические исследования, могильники, гепиды, авары, венгры.

E. Gáll

Márton Roska and Archaeology in Transylvania: Critical Notes to the Hungarian-Armenian Scientist's Early Medieval Studies

The critical analysis which can be found in Roska's works and which I find to contain his most important observations is the criticism of Transylvanian archaeology, as hardly any progress has been made since Roska died.

When analysing Roska's works, it is important to note that they showed progress keeping up with his excavations and other excavations relating to that era. His observations show a definite progress from the rigid historical description (as in the second part of the article analysing the cemetery in Várfalva) towards the archaeological observations and analyses.

We have divided his archaeological studies and analyses into three periods based on their characteristics: 1911—1914 (monographies, the period of historicization); 1927—1936 (the period of syntheses); 1940—1944 (the research of some elements of the material culture in several aspects).

Through the above analysis of Roska's work, we tried to catch a glimpse into some of the major problems of early medieval archaeology and the stage of the research of this problem. Based on the analysis above, we do not find it tragic that 70 or 100 years ago Márton Roska drew rigid ethnic frames or that he did not mention the Avar-Gepid or Avar-Slav relations at all. What we find tragic is the fact that this tendency had hardly changed in the archaeology in Romania until 2011: ethnic frames and general groups, are thought and described to be rigid, stable biological reality and not a fluid social phenomenon and all this huge backwardness in theoretical research is coupled by some with the forced topos of autochthonous-Christian-settled, proto-Romanian and Romanian populations.

To sum it up, the problematic questions outlined above do not mean any criticism upon Roska's scientific level but they prove the backwardness and marginalism of archaeology after World War II and at present. This is what should be changed.

E. Gáll

Márton Roska și arheologia transilvană: Note critice privind studiile medievale ale arheologului maghiaro-armean

Critica celor mai importante rezultate ale analizelor lui Márton Roska este în același timp critica arheologiei transilvane, deoarece în foarte multe probleme abia s-a petrecut un avans în cercetare după analizele arheologului transilvănean.

În cursul analizei lucrărilor lui Roska, trebuie să specificăm că arheologul transilvănean se dezvoltă din punct de vedere teoretic paralel cu săpăturile sale foarte diverse din punct de vedere cronologic, de la observațiile sale istoricizante foarte rigide (de exemplu partea a doua a articolului său despre necropola de la Moldovenești) ajunge la observații și analize arheologice detaliate.

Analizele sale privind epoca medievală timpurie, am împărțit în trei perioade: 1911—1914 (studii monografice, dar în același timp perioada istoricizării exagerate); 1927—1936 (perioada sintezelor); 1940—1944 (analiza detaliată a unor elemente a culturii materiale).

Prin analiza operei lui Roska, am încercat să detaliem o imagine mai clară a unora din unele probleme grele ale epocii medievală timpurie, respectiv stadiul cercetării acestei problematice. În urma analizei nu acel lucru vedem tragic că Roska a ilustrat acum 70 sau 100 de ani structuri etnice rigide, sau nu a pomenit nici un cuvânt despre contactele avaro-gepide sau avaro-slave, ci că această tendință aproape nu s-a schimbat în arheologia românească: structurile etnice, respectiv de grup nu sunt analizate ca fenomene sociologice fluide, permanente în schimbare, ci ca realități biologice rigide, neschimbătoare, și aceasta mai este și mărită cu toposuri de gen autohton-creștin-așezat, proto-român apoi român, etc.

În concluzie: aceste probleme nu ne demonstrează nivelul de cercetare a lui Roska, ci rămânerea în urmă, respectiv situația periferică a arheologiei noastre. Asta ar trebui schimbat.

Э. Галл

Мартон Рошка и археология в Трансильвании: Критические заметки в связи с исследованиями раннесредневекового времени венгерско-армянского учёного

Критическое рассмотрение работ Мартона Рошки есть в то же время и критика трансильванской археологии, которая не сильно изменилась с момента его смерти. Анализ его работ показывает, что они четко взаимосвязаны с развитием как его собственных археологических исследований, так и исследований других ученых. Также заметна эволюция его стиля от общих исторических умозаключений к археологическому анализу и наблюдениям. Наследие Рошки можно разделить на три периода: 1911—1914 (монографии, период историцизма); 1927—1936 (период обобщающих работ); 1940—1944 (исследование отдельных элементов материальной культуры).

Представленный в данной статье обзор научной деятельности Мартона Рошки есть, в то же время, анализ некоторых основных проблем раннесредневековой археологии и их современного состояния. То, что 70 или 100 лет назад Мартон Рошка проводил четкие этнические рамки и совершенно не упоминал о связи аваров с гепидами или аваров со славянами, нам не представляется трагичным. Гораздо более прискорбным является то, что эта тенденция в румынской археологии практически не изменилась. Этнические границы между общими группами населения понимаются и описываются в качестве незыблемой биологической реальности, а не изменчивого социального феномена. Более того, некоторые авторы упорно продолжают привлекать избитую идею о существовании автохтонных христианских проторумынских и румынских групп населения.

Подводя итог, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что представленный в статье критический анализ — это не критика научного уровня ученого Мартона Рошки. Скорее, это попытка обратить внимание на отсталость и маргинализм румынской археологии в послевоенное и настоящее время. Именно это мы должны изменить.

Не стоит прикасаться к идолам — позолота пристаёт к пальцам.

Гюстав Флобер. Госпожа Бовари

Обоснование

Прошло уже сто лет с тех пор, как Мартон Рошка раскопками могильника времени Арпадов в Хунедоаре положил начало исследованию кладбищ XI в., сопутствующих региональным центрам (Bóna 1998; Gáll 2008: Т. I: 401—407). Однако век спустя аналогичные памятники (равно как и изучение этой эпохи вообще) остаются малоисследованными: ни один из этих могильников не был раскопан полностью; часть была раскопана, но не опубликована; результаты их анализа весьма скромны, к тому же методологически они часто ближе к гомеровским преданиям о героях Троянской войны, нежели к междисциплинарным исследованиям XXI в. Критический анализ М. Рошки — безусловно, самое важное его достижение — представляет основания для критики современной археологии, поскольку с тех пор ученые едва ли продвинулись в своих исследованиях. Лучшим примером этого является недавняя публикация материалов раскопок могильника в Братей (Bârzu 2010). Отсутствие анализа и утрата антропологического материала привели Раду Хархою (Harhoiu 2010: 149—159) к выводам, аналогичным тем, к которым пришёл еще почти сто лет назад Иштван Ковач при публикации могильника Банду де Кымпие (Kovács 1913: 265—429).

Введение

Интерес к этому яркому представителю трансильванской археологии и его трудам переживает в последнее время второе рождение. Некоторые посвященные ему работы

уже вышли на английском, венгерском и румынском языках (Vincze 2005: 7—15; Gáll 2010: 286—305; 2013), другие пока ждут публикации. Мартон Рошка и его исследования тесно связаны с созданной Белой Пошта в нач. XX в. в Клузе археологической школой, значительным представителем которой он являлся, будучи сначала студентом, а затем и преподавателем¹. Жизнь и карьера М. Рошки тесно связаны с Австро-Венгерской монархией², с эпохой революций или, скорее,

¹ Об археологической школе Б. Пошты в Клузе см.: Buday 1925: 5—16; Banner 1963: 17—28; Csorba 1971: 117—146; Ferenczi 1999: 56—63; Vincze 2002: 25—44; 2003: 640—657; 2004: 58—73; Langó 2007: 99—103.

² См.: Szekfű 1920; 1934; Gratz 1934; Helczmanovszki 1979: 27—79; Fejtő 1988; Deák 2000: 59—80; Eddie 2004: 202—218; Somogyi 2007: 109—122. Мы не можем согласиться с мнением некоторых современных венгерских историков, что венгерские политики были недостаточно мягкими с национальными меньшинствами. Можно констатировать, что в то время Австро-Венгерская монархия была одной из самых либеральных стран в мире в отношении прав национальностей по сравнению с другими странами (Россией, Францией, Испанией и т.д.). Малоизвестно, но именно венгерский парламент в 1868 г. впервые в истории принял законопроект о статусе национальных меньшинств и национальностей. Вероятно, первая положительная оценка этого факта в румынской литературе: Neumann 2001: 68—102. В подтверждение позитивного влияния Австро-Венгерской монархии, которое проявилось позднее, можно привести следующие слова В. Неймана: «Это не случайно произошло в одном из центров запада страны, в Тимишоаре, где минимальный уровень демократии поддерживался населением с различным культурным и религиозным самосознанием, унаследовавшим также некоторые черты старого имперского космополитического менталитета» (Neumann 2001: 127). Историографию дуалистической эпохи см.: Gyurgyák 2007; Erős 2011: 12—22.

с бешеной их чередой³, с Румынским королевством (1920—1936), с хортистской Венгрией после Трианонского договора (1937—1944)⁴, наконец, с промосковско-коммунистической советской Венгрией⁵. Эти хаотические социально-политические изменения и потрясения не могли не определять развитие М. Рошки как личности, не влиять на образ его мышления, и, конечно, на профессиональные возможности этого учёного.

Мы не откроем большого секрета, если скажем, что падение Венгерского королевства и его раскол по итогам Трианонского договора стали поворотными событиями в жизни М. Рошки, оказали огромное влияние на дальнейшую жизнь учёного и на его мировоззрение. Повлиял и арест М. Рошки в 1919 г.⁶ После 1920 г. его археологические работы создавались в рамках концепции (хотя это и не указывалось автором прямо), близкой той, в которой работал Дьюла Секфю — крупнейший представитель венгерской историографии между двумя мировыми войнами. Здесь следует упомянуть о наиболее крупных произведениях этого выдающегося венгерского историка, написанных в 1920 и 1934 гг., об их антилиберальной направленности и критическом отношении к революционным потрясениям октября 1919 г. Эти работы оказали существенное влияние на исторические концепции межвоенного периода (Szekfű 1920; 1934; Egős 2009: 7—27). Направление, в котором работал Д. Секфю, напоминало концепцию «*Primat der Aussenpolitik*», продвигаемую Л. фон Ранке и Ф. Майнеке в противояс романтическим теориям конфедерации наций в Дунайском регионе (Egős 2009: 7—27).

Приверженность или, по крайней мере, симпатия М. Рошки к немецкой националь-

ной идее не подтверждается конкретными примерами, но можно сказать, по крайней мере, о том, что одну из своих статей, опубликованных в Германии в 1932 г.⁷, он подписал: *Martin von Roska*. Это совершенно не удивительно, поскольку в Великой Румынии между двумя мировыми войнами он сталкивался с проблемами как личного, так и научного характера. Его отношения с Василе Пырваном, теоретиком румынского национализма⁸, в то время были откровенно плохими⁹, ему пришлось противостоять нападкам экстремистски настроенной румынской профессуры, обернувшимся в конечном итоге понижением в должности, арестом и, наконец, эмиграцией в Венгрию в 1936 г. (подробнее см.: Gáll 2010: 289; 2013).

1. Попытка систематизации исследований древностей раннесредневекового времени М. Рошкой

Важно отметить, что эти исследования демонстрируют прогресс по мере того, как М. Рошка и другие ученые проводили археологические раскопки¹⁰. Наблюдения

⁷ В журнале «*Közlemények az Erdélyi Nemzeti Múzeum Érem- és Régiségtárából*», редактором которого он был, стоит: *Martin von Roska*.

⁸ «Национализм — это не конечная цель духовности, а сырая субстанция, которая должна быть облагорожена общечеловеческой мыслью, так что его порождения будут ценны везде и всегда. Осознанно или неосознанно, намеренно или нет, но любое проявление высшей культуры — национально. Как бы ты того не желал, не хотел, но в произведении искусства, лирическом или эпическом, в душе лежит отпечаток твоей национальности» (Pârvan 1997: 19). Критику национальных государств и их будущего, мнение о том, что это тюрьма, см.: Vincent 2002: 48.

⁹ Вот пример: «Было бы ошибкой предположить, исходя из вашего письма, что вы можете иметь дело со мной как с равным, основываясь на равенстве ответственности. Вы один из многих людей, поставленных под моё начало в национальном Румынском институте археологии. Если бы вы уехали в Венгрию, то я потерял бы не половину археологического потенциала Румынского королевства, но гораздо меньшую его часть, над восполнением которой я работаю, воспитывая молодых и мудрых исследователей преисторического времени, для того, чтобы они не учились и здесь, и за рубежом. Поэтому я считаю, что вы, как законный гражданин румынского государства и объективный ученый, обязаны оправдывать ваше почетное место руководителя проекта в румынском университете, публикуя свои научные работы в румынских журналах» (Pârvan 1983: 275; Anghelino 2003: 127, note 397).

¹⁰ Здесь я, в основном, ссылаюсь на раскопки, проведенные его коллегой и другом Иштваном Ковачем в Сынтана-де-Муреш и Банду-де-Кымпие.

³ По нашему мнению, лучший анализ периода, отмеченного именами Михая Каройи, Оскара Яси, Белы Линдера, Белы Куна и Трианонским мирным договором, проделан в: Gratz 1935; Mályusz 2005. Аналогичный детальный анализ трианонской катастрофы см.: Romsics 2003.

⁴ Наиболее важные литературные труды по румынской истории между двумя мировыми войнами: Volovitch 1991; Hitchins 1994; Boia 1997; 2005; Laignel-Lavastine 1998; Livezeanu 1998; Neumann 2001: 103—120; Zub 2005. Точка зрения румынского национализма отражена в: Scurtu 1996; 2002.

⁵ Ценности и мировоззрение М. Рошки проявляются в той поддержке, которую он оказал Миндсенти в 1956 г. Об этом времени см.: Romsics 2010, там же ссылки на обширную библиографию.

⁶ Клуж был захвачен румынской армией на Рождество 1919 года. М. Рошка был арестован после этого (см. Vincze 2005: 7—8).

М. Рошки медленно развиваются от строгой исторической интерпретации находок (см., например, вторую часть его статьи, посвященной анализу могильника Молдовенешть (Roska 1914: 145—167)) к археологическим наблюдениям. Следует подчеркнуть: раскопки школы Б. Пошта стояли на высоком практическом уровне, что являлось уникальным для венгерской археологии конца XIX — начала XX вв., так как крупнейшие исследователи того времени полагались на археологические раскопки, проведенные любителями. Всё это позволяет утверждать, что только последствия политических изменений не позволили стать школе Б. Пошта наиболее значимой археологической школой на востоке Центральной Европы¹¹.

Исследования М. Рошкой различных периодов Великих миграций (германцев, авар, эпохи венгерского завоевания и времени династии Арпадов) были тесно связаны с его полевыми работами: в 1911 г. он раскопал могильник X—XI вв. в Хунедоаре, в 1912 г. — могильники Молдовенешть и Гымбаш, в 1913 г. — аварские погребения в Гымбаш, наконец, в 1914 г. — гепидскую (?) часть кладбища аварского периода. В 1923—1924 гг. М. Рошка проводил раскопки в Бихоре, а в 1930 г. в Выршанде¹². Раскопки на могильнике при поселении и на церковном кладбище в Печка неизвестны во всех деталях.

Мы не можем обсуждать все детали, упомянутые в трудах Мартона Рошки, отметим только самые важные утверждения, сделанные этим трансильванским и венгерским археологом.

В соответствии с полевыми исследованиями его изыскания, касающиеся эпохи раннего средневековья, делятся на три хронологических этапа (табл. 1)¹³:

¹¹ Как известно, археологическая школа в Клуже был закрыта в 1920 г. Международные исследовательские проекты (такие, как создание Месопотамского института), над которыми работал Бела Пошта, остались незавершенными — можно сказать, что они стали жертвами истории (Vincze 2003: 640—657). О важности школы Б. Пошты с румынской точки зрения см.: Narhoiu 2004b: 159—161).

¹² Списки и таблицы раскопок, проведенных Мартоном Рошкой между 1910 и 1919 гг. и в 1920—1930 гг. и относящихся к периодам с эпохи палеолита до средневековья, основанные на исследованиях Золтана Винце, см.: Gáll 2010: Tab. 1, 2.

¹³ Мы хотели бы подчеркнуть, что эти «временные периоды» основываются только на его исследованиях, затрагивающих эпоху Великого переселения народов, а не венгерское завоевание или время династии Арпадов.

Таблица 1.
Периодизация исследований
М. Рошки

1911—1914 гг.	Монографические исследования и период историзации
1927—1936 гг.	Период синтеза
1941—1944 гг.	Исследование определённых элементов материальной культуры

Конечно, разделение его исследований на эти периоды во многом условно, как условны, впрочем, и их названия, призванные, в первую очередь, указать на самые важные характеристики его изысканий в определенный период времени. Это не означает, что в *периоде синтеза*¹⁴ М. Рошка занимался только систематизацией своих наблюдений, однако наиболее значительные результаты его работ тогда были связаны именно с синтезом (Roska 1927; 1936). Название «*период историзации*» также не полностью отражает действительность: так, впервые в венгерской археологии, в своих монографиях, посвящённых публикации могильников в Молдовенешть и Хунедоара, М. Рошка представил эти памятники не только как свод описаний погребений (Roska 1913: 166—198; 1914: 125—167, 168—187). В то же время следует отметить, что его статья, посвящённая могильнику Верешморт, опубликованная в журнале «Германия» в 1932 г., лишена (вероятно, в силу объективных причин?)¹⁵ аналитических интерпретаций, вполне ожидаемых от этого исследователя.

Несмотря на существование некоторого сходства в анализе, который применял М. Рошка в течение первых двух периодов (они посвящены преимущественно венгерскому завоеванию и началу эпохи Арпадов: Roska 1913: 166—198; 1914: 125—167, 168—187; 1927: 132—138; 1930: 229—233; 1932: 123—130) и в третьем (1940—1944), последний этап научной деятельности этого учёного всё же значительно отличается

¹⁴ Наряду с синтезом, именно он опубликовал могильники в Валя-луй-Михай и Верешморте в 1930 и 1932 гг. (Roska 1930: 229—233; 1932: 123—130).

¹⁵ Два десятилетия ранее публикации Мартона Рошки в Германии Иштван Ковач совместил презентацию материалов со всесторонней археологической интерпретацией в работах, посвящённых могильникам, обнаруженным в Сынтана-де-Муреш и Банду-де-Кымпие. В этих двух статьях И. Ковач поднял планку археологического исследования периода венгерского завоевания настолько высоко для своего времени, что достичь её удалось лишь Нандору Феттиху в 1931 г. в его работе, посвящённой могильнику 2 в Кенезлэ (Fettich 1931: 48—112).

от первых двух своими характерными чертами и, во многих случаях, концепцией. В своём анализе различных элементов материальной культуры X в., которым М. Рошка занимался во время Второй мировой войны, можно обнаружить исследовательские методы, которые применял в промежутке между двумя мировыми войнами¹⁶ Нандор Феттих, признанный авторитет в деле изучения эпохи венгерского завоевания. Также не может быть совпадением, что в период, когда М. Рошка являлся директором Трансильванского научного института, его отношения с Дьюлой Ласло были достаточно сложными¹⁷.

2. Оценка основных тем в исследованиях М. Рошки

2А. Интерпретация концепта «Трансильвания»¹⁸.

«Культурная прерывистость» против «континуитета поселений»

Уже в 1936 г. в одной из своих обобщающих работ «Трансильвания и время миграций» М. Рошка поставил на повестку дня вопрос, который был досконально проанализирован несколько лет назад Себастьяном Братером (Brather 2004) и который был проигнорирован ведущими румынскими археологами, а также другими более или менее значительными учёными (см., например: IR 2001; IR 2010; Madgearu 2011): с преисторического времени на территории Трансильванского бассейна существуют *разрывы в культурном развитии*. Конечно, такая прерывистость не обязательно означает отсутствие этнической пре-

емственности (археологическая картина, описывающая эти столетия, может быть в значительной степени прояснена — мы наблюдаем целые серии культурных разрывов) (Brather 2004), но есть ещё один важный аспект, связанный с тем, что культурные перемены могут значительно изменять культурные признаки конкретной группы населения. Должное внимание этому вопросу не уделяется, вероятно, потому, что не применяются результаты социологических и социально-психологических исследований. В духе своего времени М. Рошка представлял создание культурных признаков как единый феномен, но весьма важным является тот факт, что в румынской археологии эта тенденция практически не изменилась. Так, например, римское господство привело к созданию различных сущностей, а не единой и объединённой дако-римской идентичности, пронизывающей теорию дако-римского континуитета — концепция континуитета дако-римской культурной идентичности и языка сейчас устарела. В римских провинциях мы в основном ожидаем столкнуться с тремя видами групповой идентичности: имперской, провинциальной и муниципальной, значимость которых зависит от различных обстоятельств (Niculescu 2009: 205—206). Следует подчеркнуть, что в Дакии групповая идентичность могла возникнуть только после римского завоевания, поскольку кровопролитные войны ослабили даков, их элиту, и это обусловило невозможность передачи ими своей особой, местной, идентичности последующим поколениям (Assman 1992). Конец римского господства определенно положил конец имперской и муниципальной идентичности; вопрос только в том, можем ли мы говорить о характерных признаках провинциальной идентичности даков после 271 г. Кроме того, насколько гомогенной была их тройная идентичность? Археологические источники ясно демонстрируют, что материалы составляют пёструю картину, и было бы неосторожным говорить о формах археологического выражения той или иной этнической группы, основываясь на погребальных обрядах и материальной культуре бывшей провинции Дакия¹⁹. Можно решительно утверждать, что румынская историческая традиция является наследием национализма XIX в. (Voia 1997: 11—23, 91—124).

Точка зрения М. Рошки на Трансильванию эпохи Великого переселения народов также

¹⁶ О значении работы Н. Феттиха для истории исследований см.: Párducz 1972: 113—114; Pop 2001a: 399—402; 2001b: 474—485; Tóth 2001: 413—420; Kiss 2001: 421—451; Mesterházy 2001: 452—458; Noppál 2001: 459—473; Langó 2007: 104—110.

¹⁷ Всё это отчётливо видно в письме М. Рошки: «...эти раскопки — раскопки музея, которыми я руковожу, которые финансирует Научный институт и руководство которыми любезно взял на себя доктор Ласло, но сначала светлейший... (неразборчиво) ... мой студент-практикант, Антал Пальфи, сделавший это... во время раскопок он отправил мне свою визитную карточку, словно ничего не случилось. В ней он лестным для меня образом, ссылаясь на мой большой опыт, попросил меня явиться к этому значительному захоронению, дать ему совет и т.д. Я не смог выполнить его просьбу, поскольку это противоречило моим принципам». Это высказывание проливает свет на его личные и профессиональные отношения с Д. Ласло, далёкие от идеальных.

¹⁸ Трансильвания в данном случае правильно интерпретируется как Трансильванский бассейн.

¹⁹ Могильники, аналогичные раскопанному на улице Петёфи в Напоке, могут указывать на это разнообразие (Benea, Nica 2004: 221—237).

была односторонней. Во введении к одной из своих работ он утверждает наличие постоянных культурных разрывов: «...внешние проявления (культуры — Э.Г.) оставались прежними, менялись носители культуры, наполнявшие эти структуры новым содержанием...» (Roska 1936: 151). Тем не менее, через несколько страниц он пишет о гепидском могильнике VI—VII вв. в Униря-Верешморт (Roska 1936: 154), чьё название может быть ясно связано с групповой идентичностью, предполагающей биологический континуитет и преемственность идентичности германского населения королевства гепидов под аварским господством, то есть именно ту концепцию, которая была опровергнута М. Рошкой во введении. Результатом этой теории, которая может быть связана с Иштваном Ковачем, из-за влияния различных школ и политических режимов, стало то, что некоторые исследователи отказывались признавать присутствие авар в Трансильвании до 670 г. Самое большее, на что они соглашались, это признать присутствие «аваризированных» гепидов (Horedt 1958a; 1958b; 1968; 1977; 1986; Hica 1974; Gaiu 1992: 122; Harhoiu 2010: 149—159) (рис. 1). В этих изысканиях проблемы, касающиеся вопроса — до какой степени гепидское население аварского времени было сходно со своими предками, и до какой степени их сообщество и индивидуальный статус в Аварском каганате определяли их обычаи и ценности — полностью игнорируются или не вызывают интереса у исследователей. Тем не менее, эта непоследовательность М. Рошки в тексте чётко указывает на то, что трансильванский археолог был полон сомнений, касающихся этого феномена и его интерпретаций.

2В. М. Рошка и этнические концепции

В раннесредневековой археологии (и профессиональной, и любительской), созданной в начале XIX в., большое значение придавалось этничности. С начала XX в. связь материальной культуры и этнической самобытности интерпретировалась в соответствии с известной теорией Густава Косинны, утверждавшего, что географические районы характеризуются единой *материальной культурой*, соответствующей *этнической общности*, следовательно, культура народа отождествляется с определенным или произвольно выбранным элементом материальной культуры, и именно это является идентификатором того или иного народа (Kossinna 1911; 1936: 315). Эта теория имеет серьезные следствия, в частности, то, что определенная *этническая группа* может

считаться биологической и лингвистической общностью (напр.: IR 2001). Аналогами *археологических культур*, выведенных на основе теории Косинны²⁰, являются сейчас национальные культуры, образовавшиеся в XIX в., в эпоху формирования наций. Таким образом, современная концепция была механически перенесена на социальные структуры, не имеющие с ней ничего общего, в основном по причинам хронологического характера. Следовательно, когда эксперты говорят о культурных элементах культур Глина и Коцофень, последняя из которых заставляет вспомнить о политическом объединении Румынии в XX в., имеются в виду структуры, существующие в современном государстве, поскольку под этим понятием подразумеваются все элементы материальной культуры, распространённые в данном регионе. Согласно такой точке зрения, археолог постигает или может постигнуть жившие прежде народы, основываясь на элементах археологической культуры, реконструирует различные миграции, связи между различными народами и, в конце концов, определённо, понимает процессы этногенеза. И хотя *единство* (археологической) культуры является ментальным конструктом XIX в., а не «изобретением» Г. Косинны, всё-таки именно он стал основоположником современного мифа о национальном «единстве» (Voia 1997: 157).

Эта концепция, родившаяся в XIX в. и достигшая своего пика в XX в., определяла направление исторических и археологических исследований раннего средневековья у М. Рошки.

Его первыми изысканиями, относящимися к этой эпохе, являются публикации могильников в Хунедоаре и Молдовенешть, которые, помимо своего огромного исследовательского значения, являются также и наиболее *историографическими* работами М. Рошки.

С одной стороны, впервые в историографии, на основе данных археологии М. Рошка показывает присутствие в Трансильвании археологической общности, которая может быть связана с «венграми-завоевателями», а с другой стороны, во второй части своего исследования, посвящённой публикации могильника Молдовенешть, он предлагает исторические интерпретации, которые сложно доказать и которым сложно следовать: за находками из долины Муреша М. Рошка хочет увидеть «чёр-

²⁰ Важно отметить, что Густав Косинна был лингвистом, ясно определявшим характеристики своей теории. Мы благодарим Петера Прохаска за эти сведения.

№5. 2013

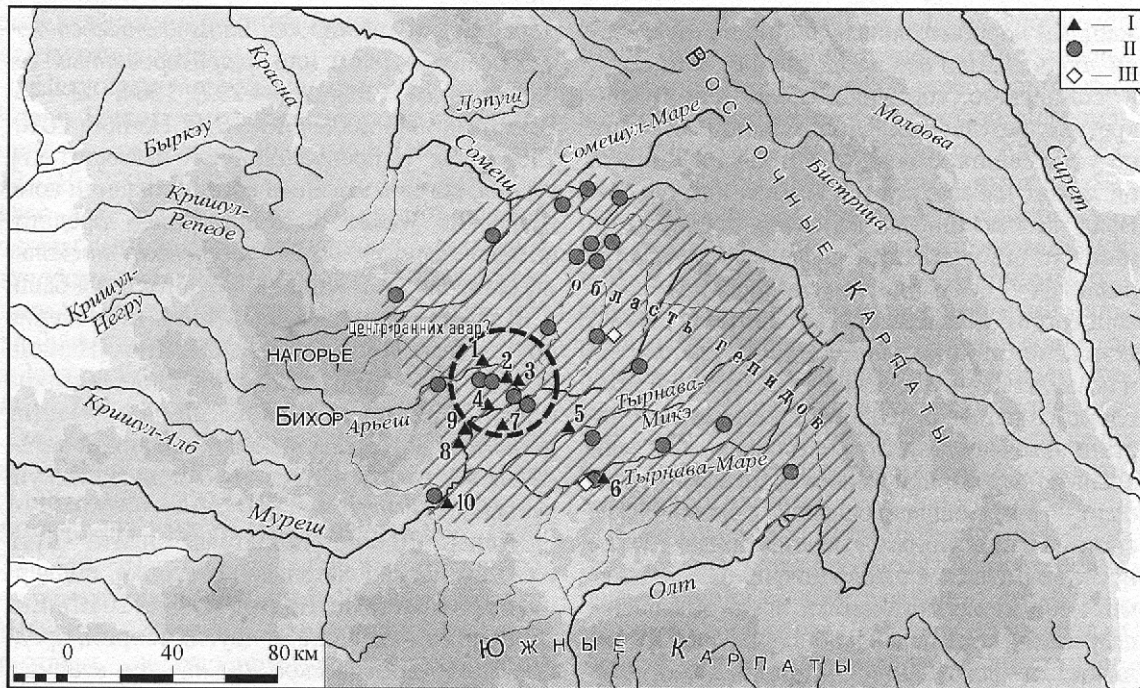

Рис. 1. Ранние аварские могильники, погребения и отдельные находки в Трансильванском бассейне и гепидские могильники VI—VII вв. (могильники с рядами погребений). I — ранние авары; II — поздние гепиды (могильники с рядами погребений); III — ранние славяне. 1 — Турда; 2, 3 — Луна; 4 — Униря-Верешморт; 5 — Тырнэвень; 6 — Братей; 7 — Шпэлнака; 8 — Штремц; 9 — Айюд; 10 — Алба Юлия (данные по Harhoiu 2010).

Fig. 1. The early Avar cemeteries, graves and stray finds from Transylvanian Basin and the Gepid cemeteries from the 6th—7th centuries (Reihengräberfelder). I — early Avars; II — late Gepids (row-grave cemeteries); III — early Slavs. 1 — Turda; 2, 3 — Luna; 4 — Unirea-Vereshmort; 5 — Târnăveni; 6 — Bratei; 7 — Șpălnaca; 8 — Ștremț; 9 — Aiud; 10 — Alba Iulia (data after Harhoiu 2010).

ных» венгров и секеев, а за материалами долины Сомеша — народ кенде.

Из обобщающих работ учёного, написанных в 1927 и 1936 гг., видно, что его теории совершенствовались со временем. В соответствии с мышлением, характерным для той эпохи, М. Рошка отождествляет народы, известные по письменным источникам, с обнаруженными археологически могильниками. Это позволяет полагать, что он мыслил и интерпретировал материал в рамках концепции групповой идентичности. Жёсткость схем его времени позже была смягчена результатами этнологических и социологических исследований: групповая идентичность может варьировать, и она не обязательно должна соответствовать идентичности этнической, более того, они редко пересекаются. Важно, тем не менее, что М. Рошка не обязательно связывает различные элементы материальной культуры с этносами, известными в письменных источниках. Он полагает, что отдельные народы определяются всеми элементами погребального обряда, что указывает на отличия его подхода от подхода, принятого в немецкой археологии того времени, в её ориентированности на объект и соответствующие интерпретации. Например, в исследовании 1936 г.

«Трансильвания и время миграций» М. Рошка связывает могильники в *Сынтана-де-Муреш* и *Тырзу-Муреш* с тервингами, или вестготами, однако он идентифицирует этот народ, основываясь, главным образом, на погребальной обрядности, используя фактически более сложный метод анализа. Тем же способом М. Рошка идентифицирует гепидов и авар²¹. Тем не менее, в последние десятилетия этнологические и социальные исследования позволили показать, что погребальная обрядность не обязательно должна прямо отождествляться с этносом²². Так, погребение с конём или захоронение лошади не обязательно указывают на авар или аварское влияние. После этой работы М. Рошки исследователи не добились сколько-нибудь значимых результатов в изучении этого вопроса. До самого недавнего времени погребения с конём на небольших могильниках считались аварскими, тогда как большие кладбища объявлялись принадле-

²¹ Если в случае авар он даёт их ясное описание, то с гепидами всё обстоит иначе. Здесь может возникнуть вопрос: почему?

²² Литературу по этому вопросу см.: Niculescu 2009: 22—23.

жащими народам, занимающимся разведением лошадей, или аваризированным гепидам²³. К сожалению, гораздо больше, чем о конкретных результатах, здесь можно рассказать об устаревших клише, от которых всё никак не может избавиться румынская археология. Вряд ли мы ошибёмся в своём предположении, что эта концепция является результатом развития *автохтонно-миграционистской*²⁴ концепции²⁵. Смещение и, соответственно, искажение двух концепций — *миграционизма* и *номадизма* — также является большой проблемой в нашей археологии, хотя кажется достаточно очевидным, что *миграция* — это социальный и временный феномен, тогда как *номадизм* — это, в первую очередь, экономическая система с присутствием ей образом жизни. Такое исследовательское отношение привело к тому, что небольшие могильники были объявлены *аварскими*, тогда как кладбища с большим количеством погребений считались *гепидскими* во времена М. Рошки, превратившись несколько позже в *автохтонные*²⁶, а в последнее время, после вступления Румынии в Европейский Союз, вновь были объявлены *гепидскими*²⁷ под несомненным позитивным влиянием Германии. Возможность того, что этот социокультурный феномен имеет более сложную природу, даже не приходила в голову исследователям. Единственным объяснением связанной с конём погребальной обрядности, наблюдаемой на крупных могильниках, является утверждение об *аварском*

присутствии²⁸, «*народа, занимающегося коневодством*» (sic!) или *аваризированных гепидов* (Rusu 1962: 269—292; 1964, 32—45; Bârzu, Harhoiu 2008: 513—578; Harhoiu 2010: 156—158). Неправдоподобной выглядит ситуация, когда в могиле в сопровождении коня и оружия может быть похоронен представитель *автохтонного населения*, поскольку, согласно этой концепции, автохтоны были в то время христианами, и тогда погребение по языческому обряду исключено (Harhoiu 2004a: 149—167). Эта концепция статична и рассматривает группы людей не в качестве динамического социального явления, а только как жёсткую и неизменную биологическую реальность.

Алпар Добош попытался найти путь из этого исследовательского тупика, подвергнув критике такой подход (Dobos 2010). Его концепция, в отличие от других теорий, предполагала *меровингское культурное влияние*, хотя А. Добош пишет об этом достаточно туманно (Dobos 2010: 388). Мы считаем полезным, что А. Добош обратил внимание на то, что присутствие лошади в погребении объясняется в основном социальными причинами и что нет нужды прибегать к этническим интерпретациям (Dobos 2010: 389). Следует отметить и два слабых места в исследовательском подходе А. Добоша. Первое заключается в том, что его интерес ограничен почти исключительно меровингским временем (например, термин «*меровингский*» повторяется 20 раз, не говоря уже о том, что Добош находит аналогии исключительно в этой области). Второе слабое место связано с тем, что, подобно авторам предшествующих теорий — М. Рошке, К. Хоредту, П. Хархою, — А. Добош не пытается объяснить археологический (технический) термин «*влияние*», используемый им повсеместно (Dobos 2010: 389). И если в VI—VII вв. историко-географические условия благоприятствуют *аварскому влиянию* или *аваризации*, методологически почти или совсем не отличимой от проблемы «*смешанной аргументации*», то «*меровингское влияние*» А. Добоша требует более серьёзного осмысления и исследовательского отношения — учитывая то, что не-

²³ Horedt 1958a; 1958b; 1968; 1977; 1986; Harhoiu 2010: 149—159; Stanciu 2002; 2008: 415—448. Единственным исключением был Иштван Ковач, связывавший погребения с конём в Банду-де-Кымпие с завоевателями-аварами (Kovács 1913: 387—388).

²⁴ С другой стороны, см.: Harhoiu, Spânu, Gáll 2011: 14—16.

²⁵ Во многих случаях в современной археологии это проявляется в виде ментальной границы цивилизаций. Единственная критика такого подхода в румынской археологии: Niculescu 2007: 137—138; см. также: Berend 2010.

²⁶ Например, могильник Братей II, Шпэлнака (Zaharia 1978; Protase, Blăjan, Botezatu, Haimovici s.a.).

²⁷ Один из них — могильник Братей III. Выставочный каталог, опубликованный в Бистрице, имеет символическое название — «Гепиды». Один из примеров исследовательской тенденции, находящейся под влиянием вступления Венгрии в Европейский Союз, отмечен Тивадаром Вида: «Коллапс коммунистического режима и переориентация венгров на Европейский Союз переключила внимание венгерских учёных на европейские традиции аварской эпохи...» (Vida 2008: 14). Этот феномен сегодня можно наблюдать и в Трансильвании.

²⁸ «Антропологическое исследование эксгумированных человеческих останков продемонстрировало, что люди, захороненные в Шууге, представляют автохтонное население румынского происхождения из находящегося поблизости поселения, рядом с которым осела группа аварских всадников, контролирующая соляные месторождения бассейна Мурепта» (Protase, Blăjan, Botezatu, Haimovici 2000).

определённость понятия «*вливание*» подрывает эту концепцию.

Несколько лет назад в некоторых работах Чанад Балинт указывал на проблемный вопрос — «*увлечение востоком*» (Bálint 1999: 13—16; 2004: 246—252; 2007: 545—567), однако этот выдающийся венгерский учёный не захотел обратить внимание на «*увлечение западом*» у молодого поколения²⁹. Мы считаем важным отметить это, поскольку для этой же эпохи известны захоронения лошадей в Западной Европе (Müller-Wille 1970—1971: 119—248; Oexle 1982), Великобритании (Fern 2005: 43—71), на Апеннинском полуострове (Genito 2000: 229—248), в Скандинавии (Müller-Wille 1970—1971: 119—248; Gräslund, Müller-Wille 1992: 186—187; Andrén 1993: 33—56), Центральной Европе (например, на памятниках Фройндорф, Русовце/Оросвар, Шаквице, Журань, находившихся на территории, контролируемой лангобардами) (Tejral 2009: 123—162), в Восточной Европе и Балтике (в регионах Судовия, Померания и Мазовия) (Wyszółkowski, Makowiecki 2009: 295—304). Так почему же погребения лошадей в VI—VII вв. должны объясняться меровингским «*вливанием*»?³⁰ Культ лошади в Европе (Gräslund 1980: 48; Østmo 1997: 305) и Азии (Fodor 1977: 104, 53; 2005: 6—10; van Gulik 2005) гораздо более древний. На севере, в Скандинавии, он известен ещё в период с 1500 до 1100 гг. до н. э. (Østmo 1997: 305; Goldhahn 1999: 150), оставаясь непрерывным вплоть до упомянутых выше VI—VII вв. н. э.³¹ Кроме того, в Померании, Мазовии и Судовии культ лошади был хорошо известен ещё в предримское время (Szymański 2005: 126; Gręzak 2007: 359), он упоминается в некоторых римских источниках (Shenk 2002: 18). Но гораздо больше сведений о нём мы имеем для римского времени и периода поздних миграций³². Ещё позже, в IX в., путешествен-

²⁹ Археологическая интерпретация меровингской культурной зоны может быть связана с топомосом «единство».

³⁰ Об истории погребальной обрядности, связанной с конём, см.: Steuer 2003: 50—96.

³¹ В Скандинавии, Померании, Судовии, Мазовии (Hagberg 1967: 55; Ellis Davidson 1982; Shenk 2002: 11—18).

³² В Мазурии (Восточная Пруссия) погребения с конём, датирующиеся римским временем, известны на 14 памятниках, на территории т.н. культуры Богачево (Jaskanis 1966: 29—65; Karczewska, Karczewska, Gręzak 2009: 56—90; Nowakowski 2009: 115—130; Wyszółkowski, Makowiecki 2009: 295). О приношении в жертву лошади на территории пшеворской культуры см.: Kontny 2009: 92—93; на территории вельбарк-

ник и купец по имени Вульфстан упоминает о важности лошади при описании погребальных обычаев пруссов, что подтверждается также и более поздней средневековой информацией (Wyszółkowski, Makowiecki 2009: 295). Таким образом, руководствуясь вышесказанным, мы полагаем, что культ лошади был известен германским народам, оказавшимся в Трансильвании в IV—V вв. (гепидам), поскольку самый ранний археологический материал, оставленный народом, упоминающимся в письменных источниках под названием «гепиды» (I—III вв.), известен в вышеупомянутых регионах в ареале распространения вельбаркской культуры, готов и других восточногерманских племён.

На наш взгляд, существование захоронений лошади и групповая психологическая³³ преемственность этой традиции среди германских сообществ является доказанным фактом, учитывая приведённые выше данные. Существуют обычаи, которые напоминают маленькие ручейки, то появляющиеся, то исчезающие вновь. Археологическое наблюдение того или иного феномена не может быть возведено в абсолют: если мы не можем зарегистрировать какой-либо обычай археологически, то это ещё не значит, что он неизвестен тому или иному сообществу. Можно предположить, что погребения лошади являются примером подобного феномена. В пользу этого наблюдения, кажется, свидетельствует помещение в королевское (вероятно) погребение в Апахиде конской сбруи, символизирующей коня. Другими подтверждениями этого являются погребения 1 и 7 в Ходмезёвашархей³⁴. Как и другие обычаи, он мог быть связан с плохими или, наоборот, хорошими экономическими возможностями сообщества, а также с теоретико-этическими тенденциями поведения людей в раннем средневековье (например, с христианством). Если обрисовать выводы, то захоронения лошади в так называемых рядах погребений рассматриваются автором в качестве археологической характеристики экономической ситуации, которая может быть связана с социальным феноменом в обществе, выражающим его благосостояние. Но эти умо-

ской культуры см.: Kaczanowski, Kozłowski 1998: 280, 282—283.

³³ О группах и групповой психологии см., например: Mérei 1971; Lewin 1972; Simmel 1973; Taifel 1981; Turner 1987.

³⁴ См.: Horedt, Protase 1972: 174—220; Bóna 1976: 62, 100—101, 4. rajz, 8, 14, 17, 19—21. kép; Harhoiu 1997: 158—159. Конечно, эти погребения могут объясняться гуннским влиянием.

заклучения основаны на уже существующей теоретической базе, то есть обычаи, связанные с лошадьё, уже были известны и высоко оценены. Конечно, учитывая временные параллели, культ коня может быть связан с аварами, что подтверждается археологическим контекстом памятников Шпэлнака и Верешморт, но очевидным также кажется и то, что мог быть возрождён и какой-то ранее существовавший обычай. Эти различные групповые идентичности сменяли одна другую, или, посредством сложных социокультурных процессов, которые сложно выявить археологически, новая групповая идентичность или идентичности появились здесь где-то в начале VII в. В этих процессах принимали участие и завоеватели, и завоёванные, причём часть последних стала позже союзниками первых.

Как было отмечено выше, крупные могильники археологи связывают с *аваризированными гепидами* (Horedt 1958a; 1958b; 1968; 1977; 1986; Hica 1974; Gaiu 1992: 122; Harhoiu 2010: 149—159), и появление авар в Трансильвании датируют временем после 630 г.³⁵ И вещи, недавно найденные в Верешморте, и монголоидные черты черепа (Rustoiu, Ciută 2008: 71—98), открытого на могильнике Луна Сабольчем Надь при его значительных раскопках³⁶, и погребальный обряд, и материальная культура, наблюдаемые на могильнике в Братей (они могут считаться аварскими: Vârzu 2010: 37—41; Harhoiu 2010: 149—159), и вещи из погребений в Шпэлнаке — всё это свидетельствует об уязвимости данной теории. Во-первых, если рассуждать логически, то как и кем население может быть аваризировано? Как соответствующие обычаи могут быть заимствованы у народа, который археологи называют аварами, если не было соответствующих контактов между этими этническими группами? Во-вторых, экономическая роль Трансильванского бассейна интерпретируется ошибочно, либо игнорируется вовсе: в противоположность другим мнениям, М. Рошка также утверждал, что захват и заселение Трансильвании является *исторической необходимостью* с исторической точки зрения³⁷

³⁵ «Чисто аварские могильники появляются в Трансильвании только после 630 г.» (Madgearu 2011: 248).

³⁶ Информация получена от Сабольча Надь и Силарда Гала, которым мы приносим благодарность.

³⁷ «...Трансильвания — это не только путь, но и убежище, которое всегда может предоставить приемлемые условия для жизни — будучи завоёвана, она не утрачивает этой своей роли. Трансильвания вбирает

и влечёт за собой культурно-демографические последствия, что приводит со временем к формированию новой *групповой идентичности*³⁸. Это, тем не менее, не может произойти помимо участия авар-завоевателей!

Основываясь на определённых элементах материальной культуры (керамике), нельзя исключить присутствия на могильнике Братей славянского элемента, с теми или иными аварскими или гепидскими чертами. Элементы материальной культуры, указывающие на эту групповую идентичность, могут быть обнаружены среди материалов могильника Банду-де-Кымпие, датированного Иштваном Бона ещё 600—630 гг. (Bakó 1962: 451—459; Bóna 1988: 176).

Если вернуться к вопросу о погребениях с лошадьё, то большое их количество позволяет сделать два важных вывода.

Крупные могильники, зафиксированные в Трансильванском бассейне с VI—VII вв., в первую очередь, свидетельствуют о стабильности, являвшейся основой экономического роста и благосостояния. Это подтверждают также и археологические находки.

С этим может быть связан и другой наш вывод, заключающийся в том, что аварское господство не являлось бедствием для Трансильвании и других регионов, как полагаютте из наших коллег, которые являются носителями теории катастроф в духе XIX столетия³⁹. Новая власть авар инкорпировала население Карпатского бассейна в сложную систему структуры власти, которую демонстрируют многие народы, принимавшие участие в набегах на Византию. Это указывает также на последовательно развивающийся социологический феномен создания новой групповой идентичности — этноса европейских авар.

Другим элементом доказательств М. Рошки, оказавшимся провальным с точки зрения аргументации (даже с позиции того времени), стала неверная интерпретация названий

в себя культурные элементы вместе с завоевателями, объединяя культуры далёких земель, она также создаёт культуру, поскольку тому имеются объективные причины — она играет доминирующую роль с её залежами золота, серебра, соли, железа... Те, кто находят жизненные условия здесь сходными с теми, в которых им приходилось некогда существовать, остаются в Трансильвании надолго. Об этом свидетельствуют также и могильники» (Roska 1936a: 156).

³⁸ Рошка также подчёркивает, что «артерия Трансильвании» могла быть связана с золотодобывающими центрами (Roska 1936a: 156).

³⁹ Список настолько длинен, что его невозможно привести полностью.

народов и вещей, открытых при археологических раскопках, а именно, что «...в VIII в. н. э. Трансильвания была заселена славянами очень редко» (Roska 1936a: 157). Тем не менее, это могло быть следствием того, что возможность сосуществования, взаимодействия и смешения славян и авар не приходила в голову этому трансильванскому армянско-венгерскому археологу⁴⁰, хотя именно материалы раскопок М. Рошкой погребений VI—VII вв. в Гымбаш позже позволили сделать такой вывод Иштвану Бона (Bóna 1988: 171).

Однако в качестве археолога М. Рошка, как и любой другой его коллега, был представителем своего времени: культурная унификация этнических явлений им не оспаривалась. Венгерско-армянский археолог даже не предполагал существования групповой идентичности (например, наличия социальных классов), отличной от той, которой уделяли основное внимание в то время.

В венгерской археологии мы ещё отстаём от Белы Сёке!⁴¹

2С. Интерпретация политических структур, центров власти и населения, а также связей между этими явлениями

В работах М. Рошки также ясно предполагается тесная связь между названиями народов и политических структур, упомянутых в письменных источниках — такая точка зрения была весьма распространена в то время. Иными словами, по его мнению, названия народов были идентичны военно-политическим институтам, хотя за первыми кроется намного более красочная реальность и большое разнообразие групповой идентичности (Brather 2004: 156). Поэтому, когда М. Рошка говорит об аварах, он подразумевает авар не обязательно в качестве этноса, но, и, может быть, даже большей частью, в качестве политической власти.

Основываясь на доступных нам данных, следующие находки, кажется, указывают на существование периферийного аварского политического центра в Трансильвании, зависевшего от центральной власти (рис. 2):

1. В среднем течении Муреша и Ариеша известно пять памятников, датирующихся

ся ранней первой фазой аварского времени, дополненных гепидскими могильниками VI—VII вв., причём существовавших, как кажется, синхронно (Луна, Ношлак, Униря-Верешморт).

Основываясь на микрорегиональном расположении этих могильников и внешних признаках погребений, можно утверждать, что появляется всё больше и больше конкретных свидетельств в пользу существования раннего периферийного гетерогенного аварского центра в Трансильвании, связанного с основным аварским центром. Существование аварского центра в треугольнике Униря-Верешморт — Ношлак — Шпэлнака кажется очевидным, если основываться на ранних аварских погребениях с конём и могилах, вероятно, гепидских воинов с двулезвийными гепидскими мечами и копьями⁴² (рис. 4—6). Примерами характерных аварских погребений мы можем считать погребение с полной тушей лошади (Верешморт) и погребение с отдельными частями лошади (Униря-Верешморт-2008). Это позволяет нам предположить, что население, заселившее среднюю часть Трансильвании и находящееся под властью авар, могло иметь гетерогенные обычаи, а значит, возможно, и происхождение. Мы попытались представить доступные нам данные в следующей таблице (табл. 2).

2. Находки аварского облика (Némethi, Klima 1987—1989: 176—177, Fig. 1) в Тырнэвень (Bakó 1965: 370; Horedt 1968: 108: 2. kép. 1—2, 117, Nr. 1/24; Bóna 1988: 164, 30. táb. 1—2), трупосожжение из Штремц (Nagy 1913: 271; Horedt 1956: 397; 1958b, 103; Popa 1961: 225—226), одиночные захоронения из Алба-Юлия (Bóna 1988: 8. ábra), два погребения с могильника в Аюде (Horedt 1958b: 91—92, 10. táb.; Bóna 1988: 168) и захоронения с копьями и лошадьми в Брагей указывают на расширение трансильванского аварского центра в начале VII в. Оно может быть приурочено к 1-му или 2-му этапу раннего аварского периода (600—630 гг.) (Stadler 2008: 59, Tab. 1).

Поэтому кажется вполне обоснованным, что в регионе среднего течения Муреша в раннеаварское время существовал периферийный центр власти⁴³. В пользу этого ярко свидетельствует большое количество оружия, погребен-

⁴⁰ Рошка считал себя венгро-армянином, и по этому поводу Золтан Винце опубликовал много источников (писем). Венгрозязычные армяне считают свою идентичность двойной — венгерско-армянской.

⁴¹ Szóke 1962. Анализ работ Б. Сёке см.: Langó 2007: 125—128.

⁴² Ношлак до сих пор остаётся неопубликованным, поэтому мы не знаем, как много погребений с копьями и мечами было здесь обнаружено.

⁴³ И. Бона пытается обнаружить раннеаварский центр в долине Киш-Кюкколлэ (Тырнава Микэ) (Bóna 1988: 164—165).

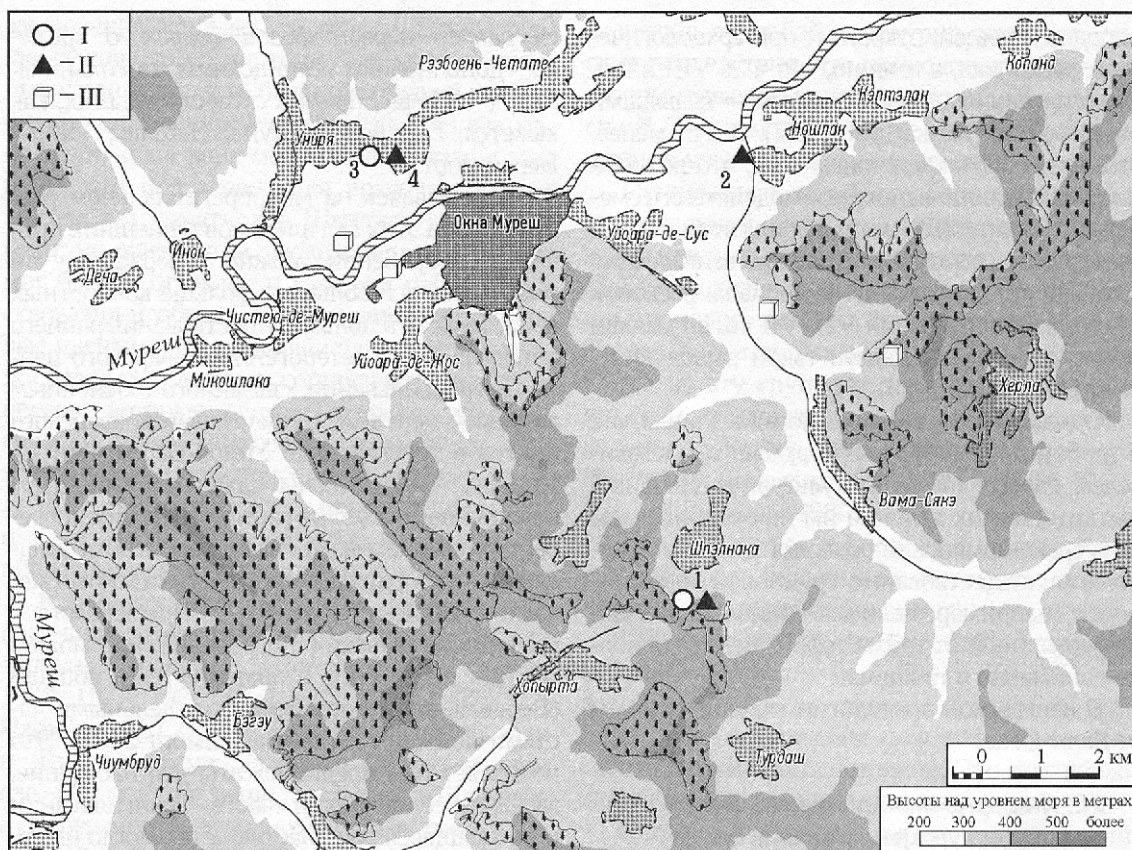

Рис. 2. Древнейшие аварские поселения в районе Шпэлнака (1), Ношлак (2) и Униря-Верешморт (3, 4). I — авары; II — германцы; III — предполагаемые места добычи соли.

Fig. 2. The earliest Avar sites from Spálnaca (1), Noşlac (2) and Unirea-Vereshmort (3, 4) area. I — Avars; II — Germans; III — possible salt deposits.

ния с конём и отдельные захоронения лошади (рис. 1; 2).

2D. Анализ раскопанных могильников. Хронологические наблюдения М. Рошка и текущий уровень исследований

2D.1. Два хронологических наблюдения М. Рошка

Мы хотели бы обратить внимание на два важных хронологических наблюдения М. Рошки.

Первое. Что касается Трансильванского бассейна, то Мартон Рошка, вслед за Иштваном Ковачем, отмечал, что этот регион был захвачен ещё *первой волной* авар, т.е. в конце VI в. (Roska 1936a: 154). В связи с этим историческим и археологическим фактом мы должны упомянуть о, вероятно, самых ранних трансильванских находках и памятниках, которые можно считать аварскими⁴⁴. Речь идёт

о недавно обнаруженном погребении коня в Верешморте, могильнике Ишпалнак и четырёх могильниках в Аранйослона, которые содержат, в общей сложности, 622 погребения. И, хотя они пока остаются неопубликованными, два из них могут быть отнесены к ранне- и среднеаварскому времени⁴⁵.

Погребение 2008 г. в Верешморте в основном датируется VII в., но, согласно некоторым мнениям, скорее относится к его концу (Rustoiu, Ciută 2008: 90—91) (рис. 4). Захоронение мужчины 25—30 лет в Униря-Верешморте было найдено при достаточно забавных обстоятельствах⁴⁶ и было спасено

1970: 243—261; 1980: 31—95; 1981—1982: 21—160; Salamon, Erdélyi 1971; Garam 1983: 139—156; 1993).

⁴⁵ Согласно докладу С. Надь на 9-й Венгерской археологической конференции в Трансильвании.

⁴⁶ Местный житель Верешморты, обнаруживший скелет в могиле, посчитал погребённого жертвой убийства и поэтому вызвал полицию. Криминалист и полицейский, прибывшие на место, также приняли эту версию. Кроме этого, они сочли меч, положенный слева от костяка во время погребальной церемонии, *орудием преступления*. Сведения, сообщённые археологам во время этих «романтических» раскопок, что скелет

⁴⁴ Список аварских погребений, считающихся самыми ранними в Карпатском бассейне, систематизирован (Bálint 1995: 310). О раннеаварском периоде и ранних аварских погребениях см.: Kovrig 1963; Vóna

№5. 2013

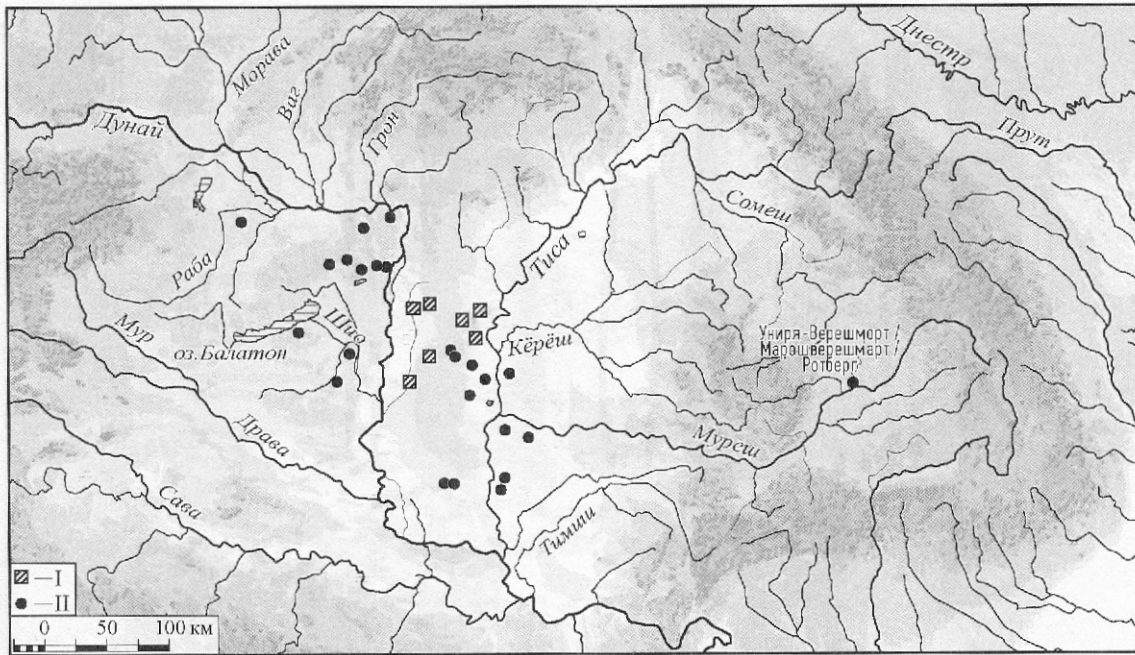

Рис. 3. Распространение ранних аварских мечей с золотыми и серебряными пластинами в Карпатском бассейне. I — мечи с золотыми пластинами; II — мечи с серебряными пластинами (данные по Simon 1991; Vida 2009).

Fig. 3. Distribution of the early Avar swords with gold and silver hilt plate in Carpathian Basin. I — swords with gold hilt plate; II — swords with silver hilt plate (data after Simon 1991; Vida 2009).

для науки двумя археологами — Тибериусом Рустою и Мариусом Чутэ. Погребение датируется концом VI — первой четвертью VII вв.⁴⁷, если основываться на вещах: однолезвийном мече⁴⁸ с серебряной пластиной на рукояти и железным кольцевидным навершием⁴⁹, деталях поясного набора мартыновского типа, кольчуге, удилах и паре шпор. Согласно обзору Гергея Чики, в Задунавье и Европейской степи известно 40 параллелей однолезвийному мечу, украшенному серебряными пластинами, которые могут быть датированы ран-

держал меч в руках, следует, по нашему мнению, исключить из литературы (Rustoiu, Ciută 2008: 73).

⁴⁷ О датировке ранних аварских мечей см.: Simon 1991: 263—346.

⁴⁸ Однолезвийные мечи были уже, легче и могли быть сделаны из меньшего количества металла, следовательно, они должны были быть дешевле, и их преимущество перед двулезвийными очевидно. Но они имели и большой недостаток — дважды ими можно было ударить, только если вывернуть кисть на 180 градусов. Вдобавок сечение лезвия было треугольным или четырехугольным, что делало меч неудобным для колющих ударов (См. Csiky 2009: 121).

⁴⁹ Мечи с кольцевидным навершием получают широкое распространение в IV в. на Дальнем Востоке и остаются популярными до VIII в. Традиция изготовления таких мечей насчитывает столетия — они были известны ещё в эпоху Чжаньго (481—222 гг. до н.э.), но широкое распространение получают во времена династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) (Csiky 2009: 154, Note 919).

ним аварским временем (Csiky 2009: 121). Аналоги мечей с железным кольцом и серебряными пластинами известны из следующих мест (см. рис. 3)⁵⁰: Боча, Кецель, Надькёрёш, Надьолоаси⁵¹. Важно, что в нашем случае отсутствует железное перекрестие⁵², и кольцо изготовлено не из железа рукояти, а крепится к серебряной пластине. Меч изготовлен с помощью специальной техники⁵³, мартыновская орнаментика пояса и монголоидные черты лица также, кажется, датируют погребение концом VI — началом VII вв. Это захоронение может быть связано с первыми двумя поколениями проникших сюда авар⁵⁴. Конечно, наша

⁵⁰ На карту были нанесены находки из Трансильвании (Simon 1991: Pic. 7—8; Vida 2009: Pic. 5).

⁵¹ К сожалению, нам следует поправить сноску 721 Г. Чики, согласно которой такой меч известен в Трансильванском бассейне в Ношлаке (Csiky 2009: 123, Note 721).

⁵² Железные перекрестия являются характерными для мечей с железным кольцевидным навершием (Csiky 2009: 122).

⁵³ В исследовании, посвящённом погребению, обнаруженному в Униря-Верешморт, Г.Т. Рустою и М. Чутэ пишут, что в соответствии с информацией, собранной из других источников, криминалист и полицейский пытались согнуть меч (орудие убийства, по их мнению), но безуспешно (Rustoiu, Ciută 2008: Pl. 1).

⁵⁴ Археологи опубликовали погребение, руководствуясь этой концепцией, тогда как А. Маджару имел другое мнение. Р. Хархою предложил датировку, близ-

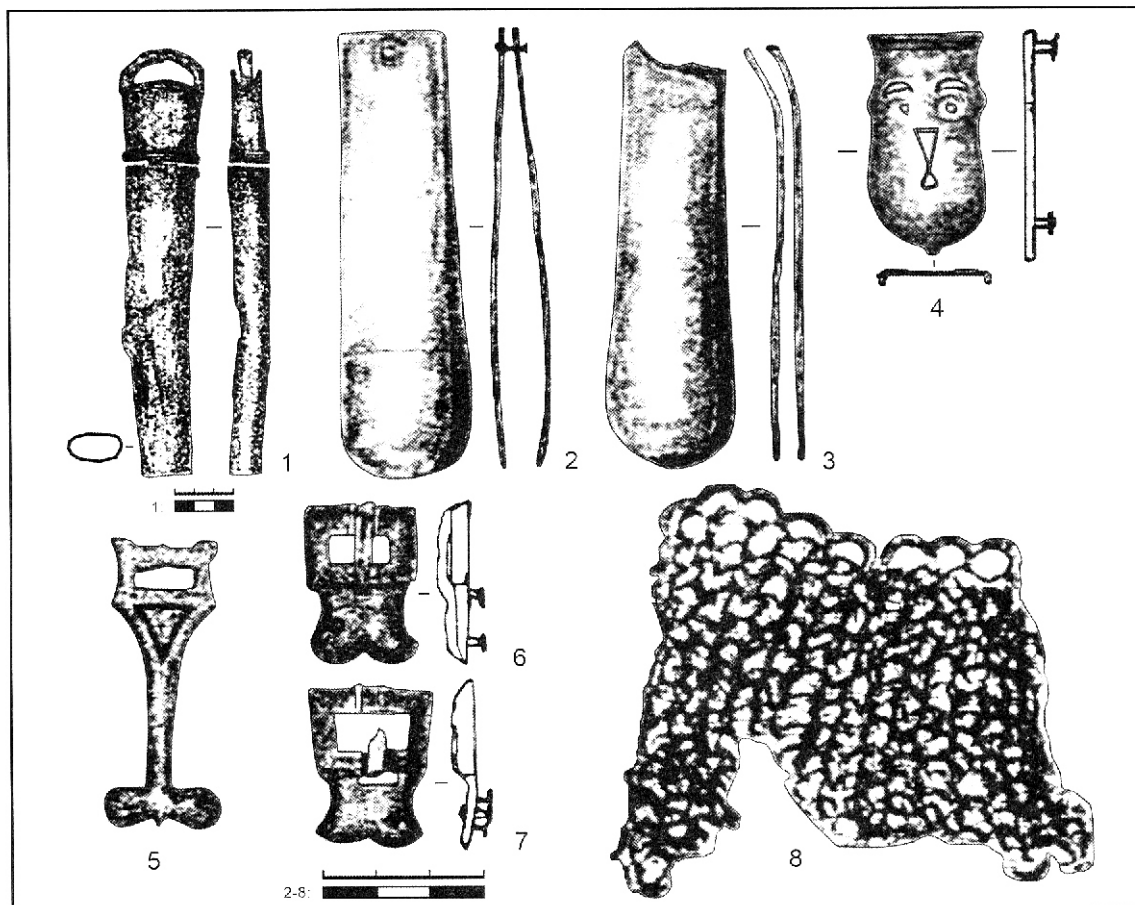

Рис. 4. Униря-Верешморт, погребение 2008 г. (по Rustoiu, Ciută 2008: pl. 1, 2, 7).

Fig. 4. Unirea-Vereşmort grave from 2008 (after Rustoiu, Ciută 2008: pl. 1, 2, 7).

датировка не должна приниматься слишком строго, так как не исключена вероятность того, что орнаментированные детали пояса были приобретены владельцем в конце его жизни. С другой стороны, даже если этот аварин умер в 605 или 615 году, это не обязательно означает, что он появился в Трансильвании именно в это время! Например, если мы возьмём 605 г. в качестве года смерти этого человека, и предположим, что ему было 30 лет, то тогда он должен был родиться в 575 году, чтобы у нас появилась упомянутая выше возможность связать его с двумя первыми поколениями авар, захватившими Трансильванию (см. рис. 3).

Кладбище или часть кладбища в Шпэлнака с его 39 могилами достаточно важно (Csa 1999: 104; Protase, Vlăjan, Botezatu, Naimovici 2000). Погребение X в. Шпэлнака, в котором был захоронен мужчина 30—35 лет, датируется бронзовой монетой Юстина II (565—578) концом VI в.; в погребениях 19 и 37 находятся лошадь и всадник, положенные отдельно.

кую нашей, и мы благодарны ему за это (Rustoiu, Ciută 2008: 90—91; Madgearu 2011: 194—195, 197).

Погребальный обряд появляется полностью не только в устройстве погребения именно этого мужчины, но и в совместном захоронении всадника с его конём (погребения 19 и 39). В погребении 19 было также обнаружено копье — оружие очень характерное для аварской эпохи. Эти погребения также можно отнести к концу VI — началу VII вв.

Два из четырех могильников в Араньоплона (огромных по трансильванским меркам⁵⁵) можно с уверенностью датировать ранним периодом аварского времени, кроме того, население гетидского периода также может быть обнаружено, по крайней мере, на двух из них⁵⁶.

⁵⁵ Согласно картам, представленным С. Надь, часть могильников не была раскопана. Мы не слишком погрешим против истины, если предположим, что общее число погребений на 4-х кладбищах достигало 1500. Раскопки С. Надь доказали, что во многих случаях могильники раннеаварского времени не представляли собой одиночных погребений: напротив, их размеры были огромны для своего времени и своего региона — Карпатского бассейна.

⁵⁶ Согласно работам С. Надь, керамический материал в одном из могильников ясно указывает на то,

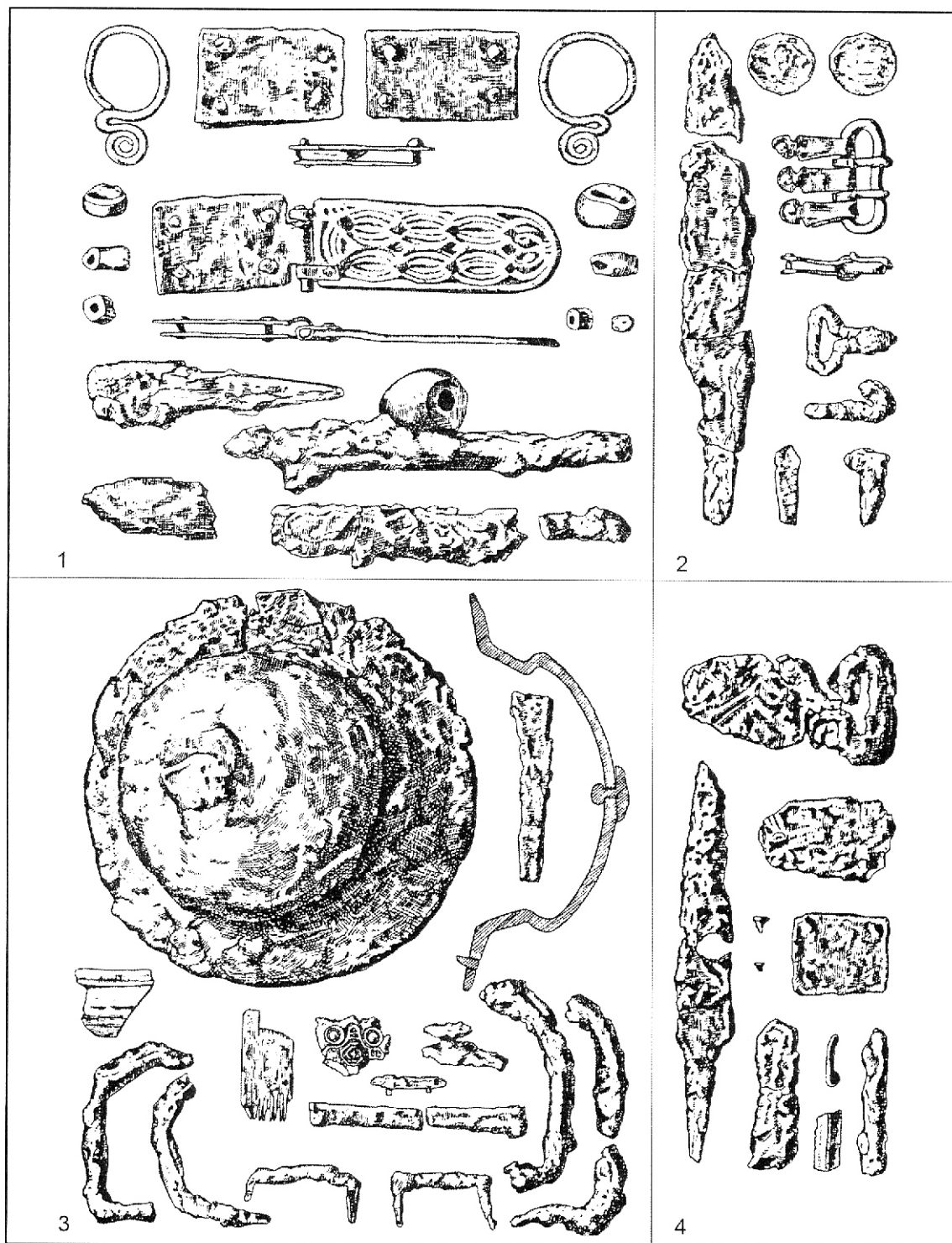

Рис. 5. Погребения в Униря-Верешморт: 1 — погр. 8; 2 — погр. 9; 3 — погр. 12; 4 — погр. 10, без масштаба (по Roska 1932: 123—130).

Fig. 5. Graves from Unirea-Vereşmort: 1 — grave 8; 2 — grave 9; 3 — grave 12; 4 — grave 10, without scale (after Roska 1932: 123—130).

Находки кремаций в Штремц и Тырнэвень такие же ранние и могут считаться символа-

что он был оставлен гепидским населением и датируется VI в.

ми групповой идентичности двух первых поколений авар (Bakó 1965: 370; Horedt 1968: 108, Fig. 2: 1, 2; 117, Nr.1/24; Bóna 1988: 164, Plate 30. 1—2). Золотые серьги из Турда также могут быть связаны с этим горизонтом (Garam 1993: 69, № 43, Pl. 33: 1, 2).

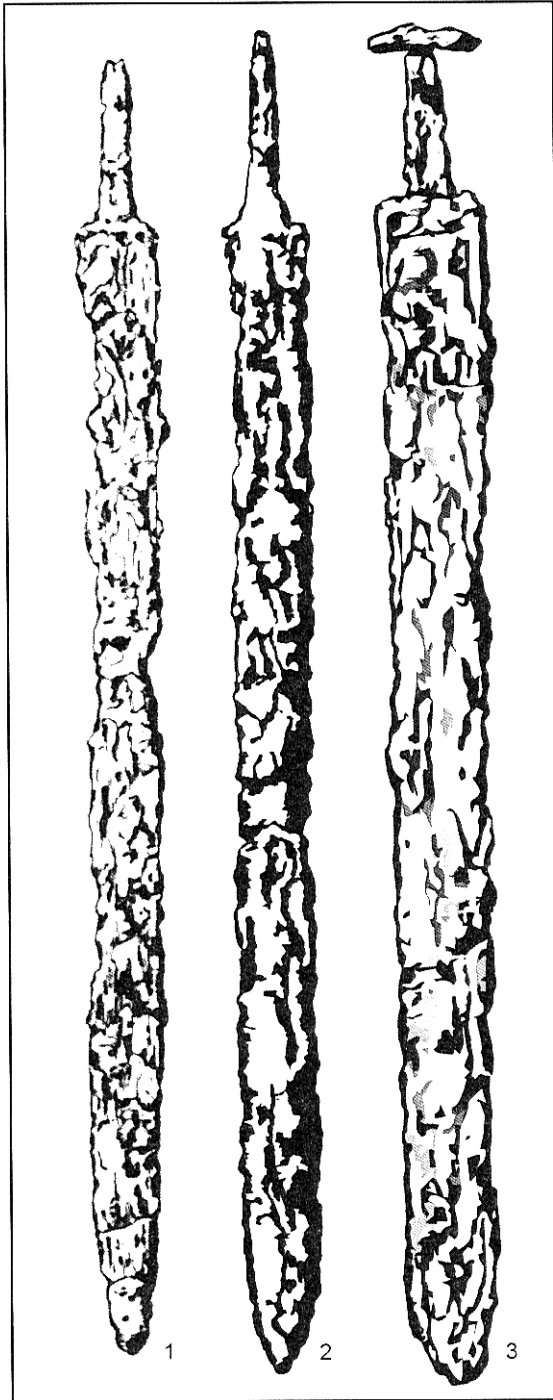

Рис. 6. Мечи из Униря-Верешморт. 1 — погр. 13; 2 — погр. 16; 3 — погр. 5, без масштаба (по Roska 1932: 123—130).

Fig. 6. Swords from Unirea-Vereshmort. 1 — grave 13; 2 — grave 16; 3 — grave 5, without scale (after Roska 1932: 123—130).

По нашему мнению, все эти захоронения, могильники и отдельные находки, свидетельствующие о чрезвычайном богатстве погребённых, проясняют вопрос о начале аварского господства в Трансильвании, если только не считать эти находки принадлежащими «странствующим всадникам». Конечно, мы

Таблица 2.
Данные об этнических традициях
в погребальных комплексах

Погребальные комплексы	Аварская традиция, аварское оружие (однолезвийный меч, колчан, трёхлопастные наконечники стрел)	Гепидская традиция, гепидское оружие (двулезвийный меч, копье)
Шпэлнака, погр. 10		+
Шпэлнака, погр. 19	+	
Униря-Верешморт-1914, погр. 5		+
Униря-Верешморт-1914, погр. 13		+
Униря-Верешморт-1914, погр. 13		+
Униря-Верешморт-2008	+	

не можем назвать точной даты начала этого господства, но на данный момент не подвергается сомнению, что это случилось после 568 г. (см. Бона 1988: 168—171; 1989: 84—87), поскольку аварское правление, несомненно, объединило различные группы населения региона в политическую структуру (см. карту 1).

Основываясь, помимо этого, на исследованиях И. Бона, Р. Хархою и недавно опубликованных данных, мы предлагаем следующую хронологию и погребальные признаки групповой идентичности, которые указывают также на то, что основной характеристикой этой эпохи является гетерогенность (табл. 3).

Второе. Мартон Рошка был первым археологом, который, основываясь на археологических находках и вопреки точке зрения, господствовавшей в начале XX в., утверждал, что венгры захватили Трансильванию самое раннее в X в.

2D.2. Интерпретация могильников

Археологические и исторические интерпретации могильников составляют ещё одну важную сторону исследований М. Рошки. Можно выделить две интерпретации, предложенные этим ученым:

1). Могильники рассматриваются в качестве признака миграции: подобно пути, которым Трансильванию захватывали тервинги, находки, связанные с венграми-завоевателями,

Таблица 3.

**Погребальные проявления групповой идентичности,
зафиксированные в Трансильванском бассейне
во второй половине VI — первой половине VII вв.**

Новая хронология Штадлера и хронология могильников, предполагаемых аварскими центрами — ранними аварскими памятниками (рис. 1)	Авары	Поздние гепиды/германские народы (эпоха после 568)	Ранние славяне
EAI 568—600	Луна, Шпэлнака, Униря-Верешморт-2008 (?)	Банду-де-Кымпие, Братей, Луна, Ношлак, Униря-Верешморт-1914	
EAI 600—630	Братей, Луна, Тырнзвень, Униря-Верешморт-2008 (?)	Банду-де-Кымпие, Братей, Луна, Ношлак	Братей, Банду-де-Кымпие
EAI 568—630	Штремц (?), Алба-Юлия (?), Аюд (?), Турда (?)		

в землях секеев указывают на поселения и т. д. (Roska 1936a: 151; 1936b: 163).

2). Могильники рассматриваются в связи с поселениями: на таких кладбищах не хоронили героев, погибших в бою, а только местных жителей. Этот тезис М. Рошка доказывает для кладбищ Хунедоара и Молдовенешть, называя их в своей работе 1936 г., посвящённой Великому переселению народов, признаком стабильности (Roska 1936a: 157; 1936b: 170). Для погребений и их групп, которые могут считаться принадлежащими номадам (это подтверждается недавними наблюдениями⁵⁷), возможны и другие интерпретации. Это может стать объектом дальнейшего исследования.

Тем не менее, М. Рошка придаёт особое значение тесным связям между могильниками и жизненными условиями, которые не зависят от эпохи: «не может быть простым совпадением тот факт, что в Мезэбанд, Марошвашархей и Марошгомбаш скифский слой подстилает слой эпохи Великого переселения народов» (Roska 1936a: 157).

**2Е. М. Рошка и анализ
материальной культуры**

Объектно-ориентированный метод анализа характерен для последнего периода раннесредневековых исследований М. Рошки (1940—1944). Эту тенденцию можно наблюдать в анализе пары аварских шпор, обнаруженных единым комплексом в Хари, орнаментации пояса и трапециевидных шпор из Периама, оковки ножен из Алба-Юлии

(Roska 1943: 140—143; 1944a: 97—101; 1944b: 102—108).

Технологическая преемственность или связь между техниками изготовления детали конской упряжи с культурой Средиземноморья, предположенная М. Рошкой в публикации шпор из Периама (Roska 1943: 141, pote 11), была вызвана знанием этим исследователем преистории и его хорошей информированностью.

Утверждение *культурной диффузии*⁵⁸ и/или *возможности торговых связей* занимает большое место в последних работах М. Рошки (Roska 1944b: 102—108). В них можно ясно увидеть, что он не может определить, были ли эти находки результатом торговых связей, конкретными доказательствами миграций венгров-завоевателей или находками, принадлежащими более позднему хронологическому периоду — X либо XI вв. Из размышлений М. Рошки, записанных между 1940—1944 гг., ясно видно, что он находился под влиянием исследований Т.Й. Арне, П. Паульсена и Н. Феттиха и использовал их методы (Paulsen 1933; Fettich 1937; 1938: 475—516; 1942). Влияние работ Т.Й. Арне и П. Паульсена мы можем увидеть в списке данных, который использовал М. Рошка (в том числе Красноярск, Трейден, Готланд, Эланд, Курляндия). Кроме того, Рошка пользовался и базами данных этих исследователей — влияние Н. Феттиха можно почувствовать, когда венгерско-армянский учёный отмечает параллели с пальметтой, украшающей наконечник ножен, обнаруженный в районе Минусинска. В противоположность Н. Феттиху, но в то же время соглаша-

⁵⁷ Во многих случаях небольшие погосты и отдельные могилы встречаются вплоть до XIX—XX вв.

⁵⁸ Теория Ф. Боаса (Boas 1911; Goldschmidt 1959).

ясь с этим хорошо известным в период между двумя мировыми войнами⁵⁹ археологом, считавшим двулезвийные мечи свидетельством влияния викингов-норманнов, М. Рошка датировал оковку ножен меча из Алба-Юлии началом XI в., связывая их с воином времени Святого Стефана, что является примером смешанной аргументации.

Тем не менее, его последняя статья, затрагивающая время венгерского завоевания, как и две предыдущие его работы, означала определённый прогресс в трансильванской археологии. Во-первых, нам неизвестен настолько комплексный анализ определённых элементов материальной культуры в археологии Трансильвании. Во-вторых, обширность привлечённой библиографии, непревзойдённая до М. Рошки (Roska 1936b: 163) и даже после 1946 г., указывает на широчайший кругозор автора.

2F. О предшественнике междисциплинарности

В первом предложении своей обобщающей работы 1936 г., посвящённой эпохе венгерского завоевания, М. Рошка подчёркивает важность исследовательской тенденции, которая, к несчастью, не была претворена в жизнь трансильванскими или румынскими археологами и которая применяется в совершенно искажённом виде. Высказывание М. Рошка: «Наши летописцы, ранние или современные историки и лингвисты — все обсуждают венгерское завоевание Трансильвании. Археология играет важную роль в разрешении этой проблемы, более того, в эту работу свой вклад в скором времени сделает этнография и антропология» (Roska 1936b: 163) — так и не претворилось в действительность.

Важность антропологии в археологическом исследовании была признана достаточно рано, даже раньше, чем в начале XX в. — или, если говорить точнее, антропологический анализ сопровождал археологию на пути изучения периода венгерского завоевания ещё в XIX в. (Langó 2007: 182—183). Во многих случаях в сборе данных принимали участие также и любители. Например, Дьюла Кишлеги Надь перевёз в Будапешт несколько костяков, датирующихся преисториче-

ским временем, эпохой Великого переселения народов и эпохой венгерского завоевания (Kisléghi Nagy 2010: 150). Также важно отметить, что отношения представителей археологии и антропологии были не очень хорошими, и один из любителей, Кишлеги Надь⁶⁰, даже стал их жертвой. В случае трансильванской школы необходимы дальнейшие исследования для того, чтобы дать ответ на следующие вопросы: во-первых, были ли основатели этой школы не заинтересованы в антропологии? во-вторых, хотели ли они создать институт в Клуже, независимый от Будапештского института антропологии?⁶¹ Очень похоже на то, что второе ближе к истине.

Мартон Рошка находился под влиянием этого исследовательского направления, и его утверждение 1936 г. является лучшим тому примером. Оно, быть может, было связано с планом его учителя, отмеченным в предыдущей заметке, т. е. школа Белы Пошта не следовала за «школой Йозефа Хампеля», и корни методов осмысления тех или иных проблем следует искать в начале двадцатого столетия. Планы Б. Пошты были сведены на нет Версальскими соглашениями после окончания Первой мировой войны. В дальнейшем, согласно письмам Василе Пырвана⁶², новое государство было занято скорее научной политикой, чем собственно наукой. Очевидность «результатов» такого подхода ощущается и по прошествии столетия.

Заключение

Анализируя работы М. Рошки, мы попытались мельком взглянуть на некоторые сложные вопросы раннесредневековой археологии и на состояние, в котором находятся эти вопросы сегодня. Мы не видим трагедии в том, что Мартон Рошка 100 или 70 лет назад использовал жёсткие этнические (биологические) рамки, или что он не обращал внимания на сложность аваро-гепидских или аваро-славянских отношений. Мы, однако, считаем трагичным тот факт, что эта тенденция с трудом изживается в румынской и особенно в венгерской археологии⁶³ — как мы уже от-

⁶⁰ «Я ничего не знаю о костях, поэтому я ничего не пишу о костях» (Kisléghi Nagy 2010: 143; Gáll 2010b: 194).

⁶¹ Этот тезис подтверждается письмом Б. Пошты. Выражаем признательность Золтану Винце за эту информацию.

⁶² См. сноску 16.

⁶³ Об этой точке зрения см.: Bálint 2004: 326; Note 1023.

⁵⁹ Позитивное влияние, которое Н. Феттих оказал на М. Рошку, можно видеть по оценке, которую М. Рошка дал работе этого учёного: «великолепно». В той же заметке он холодно отзываясь о статье Дьюлы Ласло, что указывает на то, что их отношения были далёкими от дружеских (Roska 1944b: 106, 47).

мечали ранее, некоторые археологи считают и описывают этнические рамки застывшим социологическим феноменом, жёсткой и неменяющейся биологической реальностью, и эта серьёзная отсталость теоретического метода оказала значительное влияние на концепцию «автохтонного христианского оседлого романизованного прото-румынского и румынского населения», изобретённую в XIX в. и пережившую свой расцвет в 1960-х гг., во времена Чаушеску⁶⁴.

Подведём итоги. Проблемные вопросы, очерченные выше, не позволяют считать Мартона Рошку непогрешимым исследователем, однако румынская археология после Второй мировой войны начала отставать и сегодня находится на периферии. Это должно измениться. Если бы мы только могли...

Можем ли? Со времён Ренессанса развитие было связано с материальной культурой. В результате в XIX в. в истории появляется новый тип человека, более радикальный, чем его предшественники — *новый человек*.

Новый человек, продукт современного государства, противостоит ценностям более ранних обществ. Тем не менее, служа целям государственной пропаганды, эти люди приложили огромные усилия для того, чтобы ближе узнать предшествующие столетия. «Никогда в истории человеческая жизнь не оказывалась в таких обстоятельствах и в таких рамках... радикальное обновление судьбы человечества началось в девятнадцатом столетии. Люди оказались в новых условиях, как в физическом, так и в социальном плане... те, кто родились в XIX в., стали новыми людьми по сравнению с предыдущими поколениями» — писал Ортега-и-Гассет в 1930 г. (Ortega y Gasset 1995: 50). Этот новый тип людей неспособен понять средневекового человека. Как они могут рассуждать о мировоззрении или ценностях авар или венгров VI и X вв.? Мы пишем эти строки с изрядной долей скептицизма, ведь даже используя научный метод, о прошлом мы можем знать ровно столько же, сколько и о будущем: это *скелет*, и только.

Литература / References

- Andrén A. 1993. Doors to other worlds: Scandinavian death rituals in Gotlandic perspectives. *Journal of European Archaeology* (1), 33—56.
- Anghelina M. 2003. *Evoluția gândirii teoretice în arheologia din România. Concepte și modele aplicate în preistorie*. Târgoviște: Cetatea de Scaun.
- Arne T.J. 1913. Einige Schwert-Ortbänder aus der Wikingerzeit. *Opuscula Archaeologica Oscari Montelio Septuagenario dicata*. Stockholm, 375—390.
- Assman J. 1992. *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München.
- Bakó G. 1962. Elemente slave în necropola de la Bandu de Câmpie. *SCIV* 13 (2), 451—459.
- Bakó G. 1965. Avarii și Transilvania. *SCIV* 7, 367—371.
- Bálint Cs. 1995. *Kelet, a korai avarok es Bizanc kapcsolatai: Régészeti tanulmányok*. Magyar Östörténeti Könyvtár. Szeged.
- Bálint Cs. 1999. Zwischen Orient und Europa. Die "Steppenfixierung" in der Frühmittelalterarchäologie. In: Henning J. (ed.). *Zwischen Byzanz und Abendland. Pliska, der östliche Balkanraum und Europa im Spiegel der Frühmittelalterarchäologie*. Frankfurt am Main: Johann Wolfgang Goethe Universität, 13—16.
- Bálint Cs. 2004. *A nagyszentmiklósi kincs*. *Varia Archaeologica Hungarica* 16a. Budapest.
- Bálint Cs. 2007. On „Orient-preference” in archaeological research on the Avars, proto-Bulgarians and conquering Hungarians. In: Henning J. (ed.). *Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium*. Millenium-Studies 5/1. Berlin; New York: Walter de Gruyter Verlag, 545—567.
- Banner J. 1963. Emlékezés Pósta Bélára, születése száz éves fordulóján. *Diss. Arch.* 5, 17—28.
- Bârzu L. 2010. Ein gepidisches Denkmal aus Siebenbürgen. Das Gräberfeld 3 von Bratei (Bearbeitet von Radu Harhoiu). *ArchRom* 4.
- Bârzu L., Harhoiu R. 2008. Gepiden als Nachbarn der Langobarden und das Graberfeld von Bratei. In: Bemmann J., Schmauder M. (eds.). *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden — Awaren — Slawen. Akten der Internationalen Tagung in Bonn vom 25. bis 28. Februar 2008*. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte 11. Bonn, 513—578.
- Benea D., Hica I. 2004. *Damnatio memoriae în arhitectura romană târzie de la Dunărea de Jos*. Timișoara: Editura Excelsior Art.
- Berend N. 2010. Spinei, Victor: The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century. *East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450*. Leiden: Koninklijke Brill NV, 2009. (recenzió). *The Medieval Review*. URL: <https://scholarworks.iu.edu/dspace/handle/2022/13060?show=full>. Date of inquiry 19.03.2012.
- Boas F. 1911. *The Mind of Primitive Man*. New York: Columbia University Press.
- Boia L. 1997. *Istorie și mit în conștiința românească*. București: Editura Humanitas.
- Boia L. 2005. *Două secole de mitologie națională*. București: Editura Humanitas.
- Bóna I. 1970. Avar lovassír Iváncsáról. *ArchÉrt* 97, 243—261.
- Bóna I. 1976. *À l'aube du Moyen Age. Gépides et Lombards dans le bassin des Carpatés*. Budapest.
- Bóna I. 1980. Studien zum frühawarischen Reitergrab Szegvár. *ActaArchHung* 32, 31—95.
- Bóna I. 1982—1982. A XIX. század nagy avar leletei. *SzMMÉ* 1982—82, 21—160.
- Bóna I. 1988. Daciától Erdőlvéig. A népvándorlás kora Erdélyben (271—896). In: Köpeczi B. (first ed.). *Erdély története I*. Budapest, 129—194.
- Bóna I. 1989. Daciától Erdőlvéig. Erdély és a Kelet-Alföld a népvándorlás korában (271—895). In: Köpeczi B.

⁶⁴ Совершенно другая точка зрения: (Niculescu 2009; Harhoiu, Spănu, Gáll 2011).

- (first ed.). *Erdély rövid története*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 61—98.
- Bóna I. 1998. *Az Árpádok korai várainról*. Debrecen.
- Brather S. 2004. *Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie. Geschichte, Grundlage und Alternativen*. Berlin; New York: Ed. Walter de Gruyter.
- Buday Á. 1925. Pósta Béla. *Dolg*. I, 5—16.
- Csiky G. 2009. Az avar kori szűrő- és vágófegyverek. Osztályozás — tipológia — kronológia — technológia. ELTE BTK Doktori Disszertáció. Budapest 2009. (a szöveg elérhető: <http://doktori.btk.elte.hu/hist/csikygergely/diss.pdf>. Date of inquiry 11.03.2012).
- Csorba Cs. 1971. Pósta Béla kolozsvári régészeti iskolája és a „Dolgozatok”. *DMÉ 1969—1970*, 117—146.
- Dobos A. 2010—2011. Az erdélyi soros temetők lovasmetekézései. In: *Molnár István Múzeum Kiadványai 3. Erdély és kapcsolatai a kora népvándorlás korában*. Székelykeresztúr, 377—403.
- Deák Á. 2000. „Nemzeti egyenjogúsítás”. Kormányzati nemzetiségpolitika Magyarországon 1849—1860. Budapest.
- Eddie S. M. 2004. A pénzügyi függetlenség korlátai a vámunió szuverén államaiban: az Osztrák-Magyar Monarchia mint «adóniú» 1868 és 1911 között. *Aetas* 1, 202—218.
- Ellis Davidson H. 1982. *Scandinavian Mythology*. London: Ed. Paul Hamlyn.
- Erős V. 2009. A magyar történetírás a két világháború közötti időszakban. *EM* 71 (1—2), 7—27.
- Erős V. 2011. A magyar történetírás a dualizmus korában. *EM* 73 (3—4), 12—22.
- Fejtő F. 1988. *Réquiem pour un Empire défunt. Histoire de la destruction de l'Autriche-Hongrie*. Paris: Lieu Commun.
- Ferenczi I. 1999. Pósta Béla, a múzeumszervező tudós. *EM* 66 (1—2), 56—63.
- Fern Ch. 2005. The Archaeological Evidence for Equestrianism in Early Anglo-Saxon England, c. 450—700. In: Pluskowski A. (ed.). *Just Skin and Bones? New Perspectives on Human-Animal Relations in the Historical Past*. BAR International Series 1410, 43—71.
- Fettich N. 1937. A honfoglaló magyarság fémművészete — Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn. *ArcHung* 21.
- Fettich N. 1938. A prágai Szent István kard régészeti megvilágításban. In: Serédi J. (ed.). *Szent István Emlékkönyv III*. Budapest, 475—516.
- Fettich N. 1942. *Die altungarische Kunst*. Berlin: Kupferberg.
- Fodor I. 1977. Bolgár-török jövevényszavaink és a régészet. In: *Magyar Óstörténeti tanulmányok*. Budapest, 79—114.
- Fodor I. 2005. Lovak az eurázsiai pusztákon. *História* 2005 (1—2), 6—10.
- Gaiu C. 1992. La cimetière de Bistrița. *Dacia N.S.* 36, 115—124.
- Gáll E. 2010a. Márton Roska (1880—1961) și cercetarea arheologică a secoleror X—XI. *SCIVA* 61 (3—4), 281—306.
- Gáll E. 2010b. Kisléghi Nagy Gyula és a honfoglalás kori régészet / Gyula Kisléghi Nagy and the Archaeology of the Conquest Period. In: *Kisléghi Nagy Gy.: Archaológiai Napló*. Szeged; Temesvár: “Móra Ferenc” Múzeum, 193—199.
- Gáll E. 2011. *Doboka-IV. vártérség templom körüli temetője. Régészeti adatok egy észak-erdélyi ispáni központ 11—13. századi fejlődéséhez*. Kolozsvár: Erdélyi Múzeum-Egyesület.
- Gáll E. 2013. In the midst of nationalisms’: Márton Roska (1880—1961) and the archaeological research of the tenth and eleventh centuries. *Acta Eurasistica* 1.
- Garam É. 1983. Über die frühawarischen Gräber von Zsám-bok. *FolArch* 34, 139—156.
- Garam É. 1993. Katalog der awarenzeitlichen Goldgegenstände und der Fundstücke aus den Fürstengräbern im Ungarischen Nationalmuseum. *Catalogi Musei Nationalis Hungarici. Seria Archeologica* 1. Budapest.
- Genito B. 2000. Archaeology of the Early Medieval Nomads in Italy: the Horse-burials in Molise (7th Century) South-Central Italy. In: Bálint Cs. (ed.). *Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.—7. Jahrhundert*. Budapest; Naples; Rome, 229—248.
- Goldhahn J. 1999. Sagaholm: hällristningar och gravritual. Umeå universitets arkeologiska institution. Jönköping.
- Goldschmidt W. R. (ed.). 1959. *The Anthropology of Franz Boas. Essays on the Centennial of His Birth*. New York: American Anthropological Association.
- Gräslund A. S., Müller-Wille M. 1992. Burial customs in Scandinavia during the Viking Age. In: Roesdahl E., Wilson D. (eds.). *From Viking to Crusader: The Scandinavians and Europe 800—1200*. Udevalle: Rizzoli New York, 186—187.
- Gratz G. 1934. A dualizmus kora. *Magyarország története 1867—1918 I—II*. Budapest.
- Gratz G. 1935. *A forradalmak kora*. Budapest: Magyar szemle társaság.
- Gręzak A. 2007. Groby koni na cmentarzyskach kultury bogaczewskiej. In: Bitner-Wróblewska A. (ed.). *Kultura bogaczewska w 20 lat później: Materiały z konferencji, Warszawa, 26—27 marca 2003*. Seminarium Bałtyckie 1. Warszawa, 353—365.
- Gulik R. H., van. 2005. *Hayagriva: Horse Cult in Asia*. Leiden: Brill.
- Gyurgyák J. 2007. *Ezzé lett magyar hazátok (A magyar nemzeteszmé és a nacionalizmus története)*. Budapest: Osiris Kiadó.
- Hagberg U. E. 1967. *The Votive Deposits in the Skedemosse Fen and their Relation to the Iron-Age Settlement on Öland, Sweden. The Archaeology of Skedemosse II*. Monografier. Kungl. Vitterhets-, historie- och antikvitetsakademien 45. Stockholm.
- Harhoiu R. 1997. *Die Frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien*. București: Editura Enciclopedică.
- Harhoiu R. 2004a. Der römisch-byzantinischen Import des 6.—7. Jahrhunderts als ethnischer indikator der siebenbürgischen Romanen. In: Friesinger H., Stuppner A. (eds.). *Zentrum und Peripherie — Gesellschaftliche Phänomene in der Frühgeschichte. Mitteilungen der Prähistorischen Kommission* 57, 149—167.
- Harhoiu R. 2004b. Das Miereschprogramm. Ein vergessenes Forschungsprojekt? *Monumenta Studia Gothica* 4. *Europa Barbarica*. Lublin, 159—161.
- Harhoiu R. 2010. Chorologische und chronologische Betrachtungen zum Gräberfeld 3 von Bratei. In: Bârzu L. *Ein gepidisches Denkmal aus Siebenbürgen. Das Gräberfeld 3 von Bratei (Bearbeitet von Radu Harhoiu)*. *ArchRom* 4. Cluj-Napoca, 149—159.
- Harhoiu R., Spânu D., Gáll E. 2011. *Barbari la Dunăre*. Cluj-Napoca: Editura Argonaut.
- Helczmanovszki H. 1979. Das Kind in Österreich: Eine Demographische Analyse aus Anlass des «Jahres des Kindes». In: Lee R. W. (ed.). *European Demography and Economic Growth*. London: Croom Helm, 27—79.
- Hica I. 1974. Un cimitir din secolul al VII-lea e.n. la Valea Largă (jud. Mureș). *SCIVA* 25, 517—526.
- Hitchins K. 1994. *Romania 1866—1947*. București.
- Hoppál M. 2001. A tulipán motívum térben és időben.

№5. 2013

- In: *Fettich Nándor emlékezete. Vasi Szemle* 55/4, 459—473.
- Horedt K. 1956. Avarii în Transilvania. *SCIV* 7, 393—406.
- Horedt K. 1958a. *Untersuchungen zur Frühgeschichte Siebenbürgens*. București.
- Horedt K. 1958b. *Contribuții la istoria Transilvaniei în secolele IV—XIII*. Biblioteca Istorică 7. București.
- Horedt K. 1968. Das Awarenproblem in Rumänien. *ŠtZv AUSAV* 16, 103—120.
- Horedt K. 1977. Der östliche Reihengräberkreis in Siebenbürgen. *Dacia N.S.* 21, 251—268.
- Horedt K. 1986. Siebenbürgen im Frühmittelalter. *Antiquitas Reihe* 3, 28. Bonn.
- Horedt K., Protase D. 1972. Das zweite Fürstengrab von Apahida. *Germania* 50, 174—220.
- Jaskanis J. 1966. Human Burials with Horses in Prussia and Sudovia. *Acta Baltico-Slavica* IV, 29—65.
- IR 2001: Theodorescu R. (ed.). 2001. *Istoria românilor*. Vol. III. București: Editura Academiei Române.
- IR 2010: Theodorescu R. (ed.). 2010. *Istoria românilor*. Vol. III. București: Editura Academiei Române.
- Kaczanowski P., Kozłowski J.K. 1998. *Najdawniejsze dzieje ziem polskich (do VII w.)*. Kraków.
- Karczewska M., Karczewski M., Gręzak A. 2009. The Role of Horse Burials in the Bogaczewo Culture. The Key Studies of Paprotki Kolonia site 1 Cemetery, Northeast Poland. In: Bliujienė A. (ed.). *The Horse and Man in European Antiquity (Worldview, Burial Rites, and Military and Everyday Life)*. *Archaeologia Baltica* 11, 56—90.
- Kisléghi Nagy Gy. 2010. *Archaeológiai Napló*. Szeged; Temesvár: “Móra Ferenc” Múzeum
- Kiss G. 2001. Fettich Nándor és a Vas megyei népvándorlások kutatás kezdetei. In: *Fettich Nándor emlékezete. Vasi Szemle* 55 (4), 421—451.
- Kontny B. 2009. Horse and its Use in the Przeworsk Culture in the Light of the Archaeological Evidence. In: Bliujienė A. (ed.). *The Horse and Man in European Antiquity (Worldview, Burial Rites, and Military and Everyday Life)*. *Archaeologia Baltica* 11, 92—114.
- Kossinna G. 1911. *Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie*. Würzburg: Curt Kabitzsch Verlag.
- Kossinna G. 1936. *Die deutsche Vorgeschichte, eine hervorragend nationale Wissenschaft*. Würzburg: Curt Kabitzsch Verlag.
- Kovács I. 1913. A mezőbándi ásatások / Les fouillages de Mezőbánd. *Dolgozatok — Travaux* 4, 265—429.
- Kovrig I. 1963. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyán. *ArchHung* 40. Budapest.
- Laignel-Lavastine A. 1998. *Filosofie și naționalism. Paradoxul Noica*. București: Editura Humanitas.
- Langó P. 2007. *Amit elrejt a föld... A 10. századi magyarság anyagi kultúrájának régészeti kutatása a Kárpát-medencében*. Budapest: L'Harmattan.
- Lewin K. 1972. *A mezőelmélet a társadalomtudományokban*. Budapest: Gondolat Kiadó.
- Livezeanu I. 1998. *Cultură și naționalism în România Mare (1918—1930)*. București: Editura Humanitas.
- Madgearu A. 2011. *Istoria militară a Daciei post-romane*. Târgoviște: Cetatea de Scaun.
- Mályusz E. 2006. *A vörös emigráció*. Máriabesnyő; Gödöllő: Attraktor Kiadó.
- Mérei F. 1971. *Közösségek rejtett hálózata*. Budapest: Osiris Kiadó.
- Mesterházy K. 2001. Fettich Nándor és a magyar honfoglalás régészete. In: *Fettich Nándor emlékezete. Vasi Szemle* 55 (4), 452—458.
- Müller-Wille M. 1970—1971. *Pferdegrab und Pferdeopfer im frühen Mittelalter*. Ber. ROB 20—21, 119—248.
- Nagy G. 1913. Erdély a honfoglalás idejében a régészeti leletek világánál. *ArchÉrt* 33, 268—275.
- Némethi M., Klima L. 1987—1989. Kora avar kori lovas temetkezések. *JAMÉ* 30—32, 173—244.
- Neumann V. 2001. *Ideologie și Fantasmagorie. Perspective comparative asupra gândirii megvilágításában în Europa Est-Centrală*. Iași: Editura Polirom.
- Niculescu Gh.A. 2007. Archaeology and Nationalism in the History of the Romanians. In: Kohl P.L., Kozelsky M., Ben Yehuda N. (eds.). *Selective Remembrances. Archaeology in the Construction, and Consecration of National Pasts*. Chicago; London: University of Chicago Press, 127—159.
- Niculescu Gh.A. 2009. *Populația romanică dintre Dunăre și Alpi în antichitatea târzie*. București: Editura Universității din București.
- Nowakowski W. 2009. Horse Burials in Roman Period Cemeteries of the Bogaczewo Culture. In: Bliujienė A. (ed.). *The Horse and Man in European Antiquity (Worldview, Burial Rites, and Military and Everyday Life)*. *Archaeologia Baltica* 11, 56—90.
- Ortega y Gasset J. 1995. *A tömegek lázadása*. Budapest: Osiris Kiadó.
- Párducz M. 1972. Fettich Nándor. *Arch. Ért.* 99, 113—114.
- Paulsen P. 1933. *Magyarországi viking leletek az észak- és nyugateurópai kultúrtörténet megvilágításában / Wikingerfunde aus Ungarn im Lichte der Nord- und Westeuropäischen Frühgeschichte*. ArchHung 12. Budapest.
- Pârvan V. 1973. *Correspondență și acte*. București: Editura Minerva.
- Pârvan V. 1997. *Datoria vieții noastre* (Lecție inaugurală a Universității din Cluj, 2 noiembrie 1919). București.
- Pohl W. 1961. Materiale din perioada de trecere la feudalism, în zona orașului Alba Iulia. *Apulum* 4, 221—232.
- Pohl W. 1980. Die Gepiden und die Gentes an der mittleren Donau nach dem Zerfall des Attilareiches. Die Völker an der mittleren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert. In: Wolfram H., Daim F. (eds.). *Berichte des Symposiums der Kommission für Frühmittelalterforschung*. Wien, 239—305.
- Protase D., Blăjan M., Botezatu D., Haimovici S. 2000. *Șpálnaca, com. Hopârta, jud. Alba. Punct „Șugud”*. URL: <http://www.cimec.ro/Arheologie/newcronica2000/indici/cronica.htm>. Date of inquiry 10.03.2012.
- Raffay E. 1990. *Trianon titkai, avagy hogyan bántak el országunkkal*. Budapest.
- Romsics I. 2001. *A trianoni békeszerződés*. Budapest: Osiris Kiadó.
- Romsics I. 2010. *Magyarország története a XX. században*. Budapest: Osiris Kiadó.
- Roska M. 1913. Árpád-kori temető Vajdahunyadon — Sepulture de l'époque d'Arpad, à Vajdahunyad, *Dolgozatok — Travaux* 4, 166—198.
- Roska M. 1914. Árpád-kori temető Várfalván — Cimetière de l'époque des Árpádes à Várfalva, *Dolgozatok — Travaux* 15, 125—167, 168—187.
- Roska M. 1927. Emlékek a magyarság erdélyi honfoglalásához. In: György Lajos (ed.). *Márki Emlékkönyv*. Kolozsvár: Minerva, 132—138.
- Roska M. 1930. Az érmihályfalvi germán sír. *ArchÉrt* 44, 229—233.
- Roska M. 1932. Das gepidische Grabfeld von Vereşmort-Marosveresmart (Turda-Tordaanyos, Siebenbürgen). *Germania* 18, 123—130.
- Roska M. 1936a. Erdély és a népvándorlások kora. In: Asztalos M. (szerk.). *A történeti Erdély*. Budapest: Erdélyi Férfiak Egyesülete, 151—159.
- Roska M. 1936b. A honfoglalás és Erdély. In: Asztalos M. (szerk.). *A történeti Erdély*. Budapest: Erdélyi Férfi-

- ak Egyesülete, 163—173.
- Roska M. 1943. Perjámosi leletek I—II. *KÖZL* 3, 140—143.
- Roska M. 1944a. A hari (Hiria, Alsó-fehér vm.) honfoglaláskori sírlelet. *KÖZL* 4, 97—101.
- Roska M. 1944b. A gyulafehérvári (Alba Iulia, Alsófehér M.) viking bronzkardokvég. *KÖZL* 4, 102—108.
- Rustoiu G. T., Ciută M. 2008. Mormântul unui călăreț avar recent descoperit la Unirea-Vereșmort (jud. Alba). *Apulum* 45, 71—98.
- Rusu M. 1962. The Prefeudal Cemetery of Noșlac (VIth—VIIth centuries). *Dacia N. S.* 6, 269—292.
- Rusu M. 1964. Cimitirul prefeudal de la Noșlac. In: *Probleme de muzeografie*. Cluj, 32—45.
- Salamon Á., Erdélyi I. 1971. Das völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környe. *Studia Archeologica* 5. Budapest.
- Scurtu I. 1996. *Istoria României în anii 1918—1940. Evoluția regimului politic de la democrație la dictatură*. București: Editura Didactică și Pedagogică.
- Scurtu I. 2002. *Istoria contemporană a României. 1918—2001*. București: Editura Fundației România de Măine.
- Shenk P. 2002. *To Valhalla by Horseback? Horse Burial in Scandinavia during the Viking Age*. Oslo: The Center for Viking and Medieval Studies.
- Simmel G. 1973. *Válogatott társadalomelméleti tanulmányok*. Budapest: Gondolat Kiadó.
- Simon L. 1991. Korai avar kardok. *Studia Comitatus* 22, 263—346.
- Somogyi É. 2007. A dualizmus államrendszere. In: Gerő A. (szerk.). *A Monarchia kora-ma*. Budapest: Új Mandátum Könyvkiadó, 109—122.
- Stadler P. 2008. Avar chronology revisited, and the question of ethnicity in the Avar quaganate. In: Curta F. (ed.). *The Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans*. Leiden; Boston: Ed. Brill, 47—82.
- Stanciu I. 2002. Gepizi, avari și slavi timpurii (sec. V—VII p. Chr.) în spațiul vestic și nord-vestic al României. *EN* 12, 203—236.
- Stanciu I. 2008. Gepiden, Frühawaren und -Slawen im Westen und Nordwesten Rumâniens. *Antaeus* 29—30, 415—448.
- Steuer H. 2003. Pferdegräber. In: Beck H., Geuenich D., Steuer H. (eds.). *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde* 23. Berlin, 50—96.
- Szekfü Gy. 1920. *Három nemzedék. Egy hanyatló kör története*. Budapest: „Élet” Irodalmi és Nyomda R.T.
- Szekfü Gy. 1934. *Három nemzedék és ami utána következik*. Budapest: Egyetemi Nyomda.
- Szőke B. 1962. *A honfoglaló és kora Árpád-kori magyarság régészeti emlékei. Régészeti tanulmányok* 2. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Szymański P. 2005. *Mikroregion osadniczy z okresu wpływów rzymskich w rejonie jeziora Salet na Pojezierzu Mazurskim*. Światowit, Supplement Series P: Prehistory and Middle Ages 10. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego.
- Taifel H. 1981. *Human Groups and Social Categories*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tejral J. 2009. Langobardische Fürstengräber nördlich der mittleren Donau. In: Freedon U. v., Friesinger H., Wamers E. (eds.). *Glaube, Kult und Herrschaft. Phänomene des Religiösen im 1. Jahrtausend n. Chr. in Mittel- und Nordeuropa*. Akten des 59. Internationalen Sachensymposiums und der Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im Mitteldonauraum. Bonn, 123—162.
- Tóth E. 2001. Fettich Nándor és a Savaria-topográfia. In: Fettich Nándor emlékezete. *Vasi Szemle* 55 (4), 413—420.
- Turner J. C. 1987. A self-categorization theory. In: Turner J. C., Hogg M. A., Oakes P. J., Reicher S. D., Wetherell M. S. *Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization Group*. Oxford: Basil Blackwell.
- Vékony G. 2001. Fettich Nándor és a szkíták. In: Fettich Nándor emlékezete. *Vasi Szemle* 55 (4), 403—412.
- Vida T. 2008. Conflict and coexistence: the local population of the Carpathian Basin under Avar rule (sixth to seventh century). In: Curta F. (ed.). *The Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars and Cumans. East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450*. Vol. 2. Leiden; Boston: Brill, 13—46.
- Vida T. 2009. „...Kérték hogy Pannóniában lakhassanak”. Az avarok letelepése. In: Anders A., Szabó M., Raczky P. (eds.). *Régészeti dimenziók. Tanulmányok az ELTE BTK Régészettudományi Intézetének tudományos műhelyéből*. Budapest: L'Harmattan, 105—122.
- Vincent A. 2002. *Nationalism and Particularity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Vincze Z. 2002. Pósta Béla-iratok az Erdélyi Nemzeti Múzeum Érem- és Régiségtárának levéltárában. *EM* 64 (1—2), 25—44.
- Vincze Z. 2003. A Keleti Intézet Pósta Béla-i terve. In: Pál- Antal S., Sipos G.-W., Kovács A., Wolf R. (eds.). *Emlékkönyv Kiss András születésének nyolcvanadik évfordulójára* I. Kolozsvár, 640—657.
- Vincze Z. 2004. Létay Balázs: derékba tört régészpálya. *Keresztény Magvető. Az Erdélyi Unitárius Egyház Folyóirata* 1, 58—73.
- Vincze Z. 2005. Roska Márton, a kolozsvári régészeti iskola megalapítója. *Honismeret Szövetség Folyóirata* 33 (5), 7—15.
- Volovitch L. 1991. *Nationalist Ideology and Antisemitism: The Case of Romanian Intellectuals in the 1930's*. Oxford: Pergamon Press.
- Wyczółkowski M., Makowiecki D. 2009. Horse Sacrifices in Prussia in the Early Middle Ages. Ritual Area in Poganowo Site IV, Olsztyn Province (Poland). In: Bliujienė A. (ed.). *The Horse and Man in European Antiquity (Worldview, Burial Rites, and Military and Everyday Life)*. *Archaeologia Baltica* 11, 295—304.
- Zub A. 2005. *Clio sub semnul interogației. Idei, sugestii, figură*. Iași: Polirom.
- Østmo E. 1997. Horses, Indo-Europeans and the Importance of Ships. *The Journal of Indo-European Studies* 25 (3—4), 285—326.

Статья поступила в номер 4 апреля 2012 г.

Erwin Gáll (Bucharest, Romania). Doctor of History. Institute of Archaeology „Vasile Pârvan”¹.

Erwin Gáll (București, România). Doctor în istorie. Institutul de arheologie „Vasile Pârvan”.

Галл Эрвин (Бухарест, Румыния). Доктор истории. Институт археологии «Василе Пырван».

E-mail: ardarichus9@gmail.com; ardarichus19@yahoo.com

Address: ¹ Henri Coandă St., 11, Bucharest, 010667, Romania